

Министерство образования и науки Российской Федерации
Департамент образования и молодежной политики
Ханты-Мансийского автономного округа — Югры
Нижневартовский государственный университет
Гуманитарный факультет
Кафедра истории России

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ИЗУЧЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ,
ТЕОРИИ И МЕТОДИКИ ЕЕ ПРЕПОДАВАНИЯ**

Материалы II научно-методического семинара
студентов, аспирантов и преподавателей,
посвященного Году российской истории

г.Нижневартовск, 15 декабря 2012 г.

Издательство
Нижневартовского
государственного
университета
2013

ББК 63.3(2)я43
А 43

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета
Нижевартовского государственного университета

Рецензент:

доктор исторических наук, доцент *В.В.Митрофанов*

А 43 **Актуальные вопросы изучения отечественной истории, теории и методики ее преподавания:** Материалы II научно-методического семинара студентов, аспирантов и преподавателей, посвященного Году российской истории (г.Нижевартовск, 15 декабря 2012 г.) / Отв. ред. В.В.Цысь. — Нижевартовск: Изд-во Нижеварт. гос. ун-та, 2013. — 66 с.

ISBN 978–5–00047–006–0

Издание включает тезисы докладов участников научно-методического семинара студентов, аспирантов и преподавателей кафедры истории России, посвященные актуальным проблемам отечественной истории, историографии, методике преподавания истории.

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений.

ББК 63.3(2)я43

ISBN 978–5–00047–006–0

© Издательство НВГУ, 2013

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ, ИСТОРИОГРАФИИ

Е.В.Бондаренко

*Нижевартовский государственный
гуманитарный университет*

НЕФТЯНАЯ СТРАТЕГИЯ МЕКСИКИ И ЕЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С РОССИЕЙ В НАЧАЛЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Общеизвестно, что ключевым направлением энергетической стратегии мексиканского правительства традиционно являются отношения с североамериканским соседом, как с основным потребителем мексиканской нефти и нефтепродуктов. Между тем США при любых условиях контролировали действия Мексики для обеспечения постоянного притока жизненно необходимых энергоресурсов. Пиком этого «стратегического стремления» стало подписание соглашения о создании НАФТА и военный кризис в Персидском заливе (17 января — 28 февраля 1991 г.), подтвердивший исключительную значимость мексиканской нефти для США. В условиях постоянно растущего энергопотребления и колебаний мирового нефтяного рынка контакты с Мексикой для США становятся частью собственной энергетической безопасности, в том числе в форме активного участия в процессе приватизации госкомпании «Пемекс», экспортирующей большую часть добытого сырья именно в США [6. Р. 165—180].

Вторым направлением энергетического интереса Мексики являются взаимоотношения со странами Центральной и Южной Америки. «План Пуэбла-Панама» (ППП), предложенный Фоксом в начале 2001 г., являлся проектом регионального сближения стран Центральной Америки и Мексики, который включал 9 южных штатов Мексики (Пуэбла, Веракрус, Табаско, Кампече, Юкатан, Кинтана Роо, Герреро, Оахака и Чиapas) и все страны Центральной Америки (Гватемала, Белиз, Сальвадор, Гондурас, Никарагуа, Коста Рика и Панама) с территорией в 1 миллион кв. км и населением около 65 миллионов жителей. В конце 2005 г. президентом

Мексика Виценте Фоксом (2000—2006) был предложен еще один Центральноамериканский проект, подразумевающий строительство нефтеперерабатывающего комплекса в Порте Кетцалькоатль на тихоокеанском побережье Гватемалы. В марте 2006 г. был подписан энергетический пакт между странами Центральной Америки и Мексикой, который включал в себя строительство нефтеперерабатывающего завода и газопровода в этом регионе [5. Р. 3—36].

Являясь одним из крупнейших игроков на мировом рынке, современная Мексика не оставляет без внимания Организацию стран экспортеров нефти (ОПЕК). Обозначив собственную ключевую позицию на мировом рынке нефти, Мексика энергичнее других стран, не входящих в ОПЕК, начиная с 1998 года сотрудничает с этой организацией, согласовывая свои поставки сырой нефти на мировой рынок. Это подтверждают показатели экспорта нефти за период с 1998 по 2001 гг., когда страна добровольно ограничила добычу нефти, чтобы удержать мировые цены на углеводородное сырье. В январе 2002 года Мексика после консультаций с ОПЕК определила объем экспорта нефти в первой половине года на уровне 1,66 миллионов баррелей в день, сократив имевшиеся поставки на 100 тыс. баррелей в день. По истечению установленного ограничения на экспорт нефти ею были увеличены поставки на внешние рынки. В результате в ноябре 2002 г. страна стала крупнейшим иностранным поставщиком нефти США. 13 января 2003 г., после решения десятки стран ОПЕК увеличить экспорт нефти на 1,5 миллиона баррелей в день, Мексика в свою очередь также повысила поставки на 120 тыс. баррелей в день [8. Р. 13—32].

Сегодня Мексика осваивает новое для себя направление — контакты с Россией [3]. Так, 8 июня 2004 г. президент России Владимир Путин совершил визит в Мексику, где встретился со своим мексиканским коллегой, решая вопросы, в том числе увеличения цен на нефть (доходившие до 32 долларов за баррель мексиканской нефти), кризиса в Ираке и роли ООН в этом конфликте [2].

Предпосылкой к этому визиту стал завершившийся первый форум «Мексика-Россия: два опыта переходного периода» в ноябре 2003 года. Центральной темой форума явился природный газ. Виценте Фокс одобрил схему финансирования и вложения капитала в добычу природного газа в России, оговорив, что Мексика вынуждена импортировать природный газ, т.к. его потребление в стране

превосходит добычу. В своем ответе российский президент подчеркнул, что двустороннее сотрудничество будет усиливаться, и в скором времени появятся договоренности, обеспечивающие российским газом Мексику и США [7. Р. 121—142]. Так, уже в следующем 2004 году, было подписано соглашение между компаниями «Сахалин Энерджи» (Россия) и «Шелл» (США), которое предусматривает поставку сжиженного природного газа в течение 20 лет через Тихий океан в мексиканский штат Баха Калифорния для рынков Мексики и западного побережья США [1].

20 июня 2005 г. президент Мексики нанес ответный визит в Россию [4. С. 4—8], итогом чего стало подписание договора о продаже природного газа в Мексику, для чего в этой стране было предусмотрено строительство 4 нефтеперерабатывающих завода и подтверждено участие российских компаний в строительстве ГЭС в Мексике, а также участие в проектах поиска альтернативных источников энергии. Мексиканская сторона подчеркнула, что нуждается в русских технологиях и опыте по добыче нефти в глубоких водах [7. Р. 121—142], что стало началом сотрудничества не только в экономической сфере, но и в совместном развитии информационных технологий, транспорта, образования, культуры и туризма [3]. Тем самым в начале XXI столетия были заложены базовые основания для обеих стран-партнеров по реализации предложенных сторонами программ развития и перспективного сотрудничества России и Мексики в разных сферах взаимных интересов.

Литература

1. «Сахалин Энерджи» заключает первое соглашение с «Шелл» на поставку газа на рынки Северной Америки. URL: http://www.sakhalinenergy.ru/ru/media.asp?p=media_page&itmID=292.
2. Давыдов В.М. Латиноамериканский год России (2004). URL: <http://www.ilaran.ru/?n=251>.
3. Жублан Л. Мексика и Россия: новые задачи в глобализованном мире. URL: <http://www.ilaran.ru/?n=169>.
4. Фокс В. Демократия — это диалог и справедливость // Латинская Америка. 2005. № 8.
5. Anaya Muñoz A. La política exterior de México durante el sexenio de Vicente Fox // Sexenio en perspectiva. 2007.

6. Castro M.P. El petróleo de México en la coyuntura del TLC // Iztapalapa. Vol 1. 1994. № 32.
7. Cuéllar L.R. El petróleo y la política exterior de México: del auge petrolero a la privatización // Revista de Relaciones de internacionales de la UNAM. 2008. № 101—102.
8. De la Vega Navarro Á. Situación y perspectivas de México frente a la OPEP y su apertura petrolera // Nueva Época (II). enero 2003. № 3.

АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СБОРНИКА СТАРООБРЯДЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ КОНЦА XIX ВЕКА

В представленной статье автор ставит своей целью провести археографический анализ попавшего в его руки печатного старообрядческого сборника под названием «История об отцах и страдальцах соловецких, пострадавших за древлецерковные законы». Прежде чем приступить к непосредственному анализу произведения, хотелось бы сделать вступительное слово и рассказать о том, как попал в руки автора представленный образец духовного творчества старообрядцев. Данная книга была обнаружена в июне 2011 г. в составе домашней библиотеки потомственного священника РПЦ иерея Алексея Владимировича Прудникова, в данный момент проживающего и несущего церковную службу в Украинском городе Нижнегорский. По свидетельствам самого Алексея Владимировича, сборник попал в его семью ориентировочно в начале 50-х гг. прошлого столетия и был выкуплен его дедом, так же служителем РПЦ, протоиереем Прудниковым Михаилом Кузьмичом у некоего старообрядца в городе Алушта, где в то время проживала семья Михаила Кузьмича. Уже позже Прудниковы перебираются в Нижнегорский, а в 1995 г. фолиант по наследству переходит к нынешнему его владельцу — Алексею Владимировичу. Таким образом, можно заметить, что последние шесть десятков лет сборник безвылазно находился на полках книжного собрания семьи Прудниковых и не имел возможности быть изученным исследователями, а следовательно — представляет значительную историческую ценность.

Наиболее примечательным, по нашему мнению, является вопрос о месте издания сборника, а так же его датировке, которые стоит рассматривать параллельно. Первоначально стоит обратить внимание на типографию, в которой сочинения, представленные в книге, впервые были включены в единый сборник. Такой, по мнению Е.М.Юхименко и Н.В.Понырко, явилась типография униатского Супрасльского Благовещенского монастыря (Польша), открытая в 1692 г. и просуществовавшая до конца XVIII века [3. С. 23].

Хронология издания Супрасльской типографией «Истории об отцах и страдальцах соловецких» выглядела следующим образом. В 1788 г. Супрасль издаёт сборник, в который помимо «Истории» входит и «Пятая соловецкая челобитная». Стоит упомянуть, что до этого момента «История» существовала лишь в рукописных своих вариантах. Следственно, 1788 г. следует назвать началом первой волны тиражирования «Истории об отцах и страдальцах соловецких». В следующем году сборник того же состава снова переиздаётся Супрасльской типографией. Одновременно с этим, в 1789 г., в типографии выходит сборник в том структурном виде, который мы можем наблюдать сегодня, а именно: к уже публиковавшимся ранее «Истории» и «Пятой соловецкой челобитной» были добавлены «Послание о сложении перстов», «Повесть о белом клобуке», «Повесть дьякона Феодора», а также «Прения дьякона Феодора». Позднее, в 1794 г., сборник образца 1789 г. был повторён Почаевской книгопечатней, а в 1995 г. — Клинцовской старообрядческой типографией [З. С. 23].

В последующем сборник не выпускался в течение целого столетия до того момента, когда началась вторая волна издания «Истории». Первым в 80-х гг. XIX в. был напечатан сборник Троицкой единоверческой типографией, имевший своим прототипом супрасльский сборник 1789 года. Далее последовало издание самостоятельных сборников «Истории» типографией В.Г.Усова в 1907 г. и типографией И.Н.Кузнецова в 1913 году. В 1914 г. выходят сразу два издания «Истории», имеющие в своей основе клинцовский сборник 1795 года. Одно из них — в типографии Преображенского богадельного дома, другое — в «Московской старообрядческой книгопечатне» [З. С. 24].

В датировке исследуемого сборника значительную роль сыграла запись, сделанная бывшим владельцем сборника на переплётном листе, располагающимся в самом начале книги. Запись гласит следующее: «Начало Соловецкой пантократоровы обители Торжества Божия Слова положено в 1487, а ныне тому назад 467 лет. А писано сие в 1895 лете Господнем». Интересующий нас экземпляр, как мы можем судить из приведённой датировки, относится к продукции Троицкой единоверческой типографии, открытой в Москве в 1820 г. и просуществовавшей в течение целого столетия до 1918 г. Она стала первой в России типографией, которой был разрешён

выпуск перепечаток дореформенных изданий. Однако и её продукция, призванная удовлетворять лишь потребности единоверцев в до-никоновских книгах, была строго ограничена. Трудно представляется, каким образом сборник мог быть напечатан до издания в апреле 1905 г. указа «Об укреплении начал веротерпимости» и, помимо этого, иметь пометку о санкционировании печати высшими властями.

Весьма интересным представляется нам также и рассмотрение авторства представленного сборника. Данный вопрос можно рассматривать с двух позиций. С одной стороны, среди непосредственных авторов, представленных в сборнике сочинений, можно выделить таких примечательных личностей, как Семён Денисов — автор «Повести об отцах и страдальцах соловецких». Создателем «Пятой соловецкой челобитной» являлся иеромонах Соловецкой обители Геронтий, в миру — Григорий Рязанов. В свою очередь, «Послание о сложении перстов» принадлежит перу соловецкого инокa Герасима Фирсова. Затруднение вызывает, однако, определение авторства «Повести о белом клобуке». Традиционно его приписывают Дмитрию Герасимову — переводчику и богослову рубежа XV—XVI вв., либо Дмитрию Траханиоту — публицисту и дипломату вт. пол. XV в. Однако в данном вопросе, как можно судить из исследований В.М.Кириллина, следует отдавать предпочтение Дмитрию Герасимову вследствие того, что к моменту написания первой краткой редакции повести Траханиота уже не могло находиться в живых [2. С. 33]. «Повесть дьякона Феодора» и «Прения дьякона Феодора» являются плодом творчества знаменитого Московского книжника XVII в. дьякона Феодора (Иванова).

С другой стороны, можно рассматривать авторство с точки зрения того, кто сформировал все вышеперечисленные произведения в единый сборник и придал ему тот структурный вид, который мы можем наблюдать сегодня. Для разрешения данного вопроса следует обратиться к уже упомянутой нами типографии Супрасльского Благовещенского монастыря. В рассматриваемый временной период, а именно конец 80 — начало 90-х гг. XVIII века, префектом и главным редактором типографии был Мелетий Оссуховский. Заказчиком же выступал стародубский купец П.И.Губарев [1. С. 10]. Таким образом, мы можем сузить круг возможных авторов до двух лиц. Определить, однако, сформировал ли купец Губарев сборник

самостоятельно, а работники типографии причастны лишь к печати книги, либо М.Оссуховский помимо непосредственной печати книги причастен и к её структурному оформлению, пока представляется невозможным.

Внешне сборник предстаёт в следующем виде. Для создания крышек книги были использованы деревянные доски, обтянутые красной кожей. На коже присутствует узорчатое тиснение. Так же имеются две металлические застёжки и три медных «жука» на лицевой стороне. В начале и конце книги вставлено по одному переплётному листу. В книге сохранились все имевшиеся страницы. Помимо этого книга представлена такими художественными украшениями как заставки (7 шт.), исполненными в трёх разновидностях. Все три разновидности выполнены в стиле, судя по всему, подражающем старопечатному: строго очерченные рамки заставок, доминирование чёрно-белых тонов, насыщенность растительными мотивами. Также среди украшений встречаются концовки (4 шт.). Несоответствие числа глав количеству концовок объясняется тем, что в «Пятой соловецкой челобитной» не пропечатана завершающая главу страница. В свою очередь, «Повесть о белом клобуке» аккуратно заняла весь объём завершающей страницы не оставив печатнику возможности вставить концовку. В инициалах (6 шт.) также преобладают растительные мотивы, однако все они представлены в красном цвете и по характеру исполнения наиболее подходят на поморский стиль.

Книга изобилует множеством записей, выполненных, по-видимому, неким старообрядческим начётчиком, прежде владевшим сборником. Записи располагаются, как правило, на полях и между строк сборника. Однако ряд надписей был обнаружен и на переплётных листах книги, и даже на закладке, обнаруженной между 77 и 78-ым листами. Все записи сборника, в зависимости от своего характера, выполнены красными или чёрными чернилами и подражают полууставу XVI—XVII вв. По классификации И.В.Починской, можно разделить все имеющиеся записи на: 1) летописные, которые являются в книге наиболее объёмными и часто занимают поля на 4—6 листах; 2) молитвенные, встречающиеся не так часто и представленные небольшими выдержками из молебнов; 3) эмоциональные, выражающие отношение владельца к тому или иному отрывку сочинения. Обычно они представлены в виде

кратких замечаний наподобие: «Вера иссякла» или «Грецы отпали»; 4) правка — наиболее распространённая в книге разновидность записей. Как правило, владелец дописывал красными чернилами плохо пропечатавшиеся буквы основного текста, однако порой он вставлял в текст целые предложения и, напротив, позволял себе вырезать некоторые слова, по его мнению, попавшие в текст вследствие опечатки; 5) приписки, представленные обычно ссылками на Библию, Четьи-минеи или другую религиозную литературу; 6) рисунки в сборнике не обладают качественным разнообразием и представлены исключительно изображением на полях креста, четырёхжды — восьмиконечного и однажды — четырёхконечного.

В ходе проведённого анализа были достигнуты все поставленные перед исследованием цели, а именно — была уточнена датировка и место печати книги, установлены лица, причастные к структурному оформлению сборника, а так же типографии, в которых аналогичные варианты сборника издавались ранее. Так же была дана характеристика внешнего состояния сборника, его переплёта и сохранности, определены основные типы имеющихся в книге украшений и записей.

Литература

1. Вознесенский А.В. Книгоиздательская деятельность старообрядцев (1701—1918): Материалы к словарю. Екатеринбург, 1996.
2. Кириллин В.М. Время возникновения краткой редакции «Повести о новгородском белом клобуке» и её общественное значение // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2003. № 4.
3. Юхименко Е.М. История об отцах и страдальцах соловецких: лицевой список из собрания Ф.Ф.Мазурина. М., 2002.

О ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Надо сразу сказать, что раньше тема нашего исследования звучала как — представления о времени и пространстве в традиционной культуре ненцев. Но в процессе изучения данной темы нам никак нельзя было избежать постановки более общих проблем. Такой проблемой и стало выяснение «своих» «собственных» представлений на такие понятия как время и пространство. Если сформулировать более точно, то речь идет о европейской традиции в изучении пространственно-временных представлений.

Проблема времени в философии имеет весьма почетное место. Количество трудов, специально посвященных этой теме, исчисляется сотнями, если не тысячами, не говоря уже о том, что почти каждый крупный философ так или иначе ее затрагивал. Одной из главных тем философии времени является сакраментальный вопрос — «что есть время?» Для нашего анализа существенен несколько иной вопрос — «как выглядит время?» А именно, каков образ времени, складывающийся в сознании, и те качества, которыми наделяется это образ.

Крупнейшие специалисты в этом вопросе И.М.Савельева и А.В.Полетаев считают, что все европейские философы, начиная с античности и заканчивая поздней современностью, говорили о двух типах, точнее, двух образах времени: «Подобные представления, несмотря на некоторые различия в способах описания, остаются практически неизменными вот уже два с половиной тысячелетия европейской истории» [2. С. 73].

Для удобства, авторы эти образы, доминирующие в философской литературе, условно обозначили как «Время-1» и «Время-2». Их характеристики можно свести в следующую таблицу.

Характеристики философских концепций времени

	«Время-1»	«Время-2»
1.	Статическое	Динамическое
2.	Гомогенное (количественное)	Гетерогенное (качественное)
3.	Дискретное (математически непрерывное)	Континуальное (динамически непрерывное)
4.	Каузально-нейтральное	Каузально-эффективное

Далее исследователи добавляют очень важную деталь, что факт многовекового сосуществования двух образов времени не означает, естественно, их равноправия и одинаковой значимости на протяжении всей истории европейской цивилизации.

Разработка концепции «Время-1» существенно продвинулась в XVII веке, когда начала бурно развиваться математика и механика. Развитие концепции «Время-2» интенсифицировалось в конце XIX — начале XX века, когда произошла резкая «субъективизация» общественных наук. Соответственно, с некоторой долей условности можно говорить о доминировании образа «Время-1» в XVIII—XIX вв. и образа «Время-2» в XX веке. Впрочем, хотя большинство современных философов уделяет основное внимание разработке концепции «Время-2», почти никто из них, даже ярые экзистенциалисты, не отрицают существование «Времени-1» полностью [2. С. 85].

Таким образом, мы поняли, что существуют два, вполне равноценных друг другу, образа пространственно-временных представлений. Можно предположить, что у нас есть два ответа на один вопрос. Да и И.М.Савельева и А.В.Полетаев хотят представить дело так, что и проблемы здесь никакой нет, а именно, что два образа мирно сосуществовали друг с другом на протяжении всей европейской истории.

Проблема же состоит в том, что два образа находятся совсем не в мирных отношениях, т.к. с точки зрения одного образа другой представляется абсурдным и не имеющим никакого смысла. Верно и обратное, что для второго образа первый также абсурден. Эти образы вовсе не дополняют друг друга, а противостоят друг другу. Не могут существовать вместе и одновременно гомогенность

и гетерогенность, также как не сочетаются количественные и качественные показатели.

Хотелось еще раз отметить, что отношения между двумя образами конфликтные, что оба образа не дополняют друг друга, а противостоят друг другу. Наверное, из-за этого конфликты и недопонимания происходили и в реальной жизни. Точнее сказать, конфликт происходил из-за того, что люди, которые отдавали свои симпатии какому-то одному образу, не понимали людей, которые отдавали предпочтение другому образу.

Пример такого недопонимания приведен в книге Н.А.Ерофеева «Что такое история?». Вот что он пишет: «Тенденция к точным количественным характеристикам явлений преобладает в современном мышлении. В этом отношении оно решительно отличается от мышления доиндустриальной эпохи, которое удовлетворялось приблизительными оценками. Известный английский археолог О.Лэйярд (1817—1894), изучавший древности Ближнего Востока, приводит типичный пример такого мышления. Он цитирует письмо, полученное им от местного турецкого чиновника в ответ на просьбу археолога дать ему некоторые сведения о местной торговле и численности населения. Вот что писал этот турецкий чиновник: «Мой знаменитый друг, радость души моей. То, о чем ты просишь, трудно исполнимо и ненужно. Хотя я прожил здесь всю жизнь, но никогда не считал дома и не интересовался числом жителей. А что одни из них грузят на своих ослов, а другие кладут на дно своих лодок, меня не касается. Относительно прошлого этих мест: один лишь Аллах знает о количестве нечистой пищи, которую неверные съели здесь до того, как сюда пришел меч ислама. Нам этого знать не надо. О, душа моя, не занимайся вещами, которые тебя не касаются» [1. С. 105].

Из примера понятно, что английский археолог и турецкий чиновник находятся в разных образах пространственно-временных представлений.

Литература

1. Ерофеев Н.А. Что такое история? М., 1976.
2. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997.

СБОР ЯСАКА СЛУЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XVI—XVII вв.

Одной из важнейших функций ратных людей на рубеже XVI—XVII вв. в только что присоединенной к Московскому государству Западной Сибири являлся сбор ясака — пушной подати с аборигенов, особенно в северных, контролировавших таежную зону, гарнизонах. Русское правительство, заинтересованное в получении «мягкой рухляди», отправляло все дальше на восток отряды служилых людей, закрепляя за Россией новые районы, собирая ясачные платежи с местных охотников.

Исследователи, занимавшиеся историей Сибири, в своих работах затрагивали проблему сбора ясака служилыми людьми. Основоположник научного сибиреведения Г.Ф.Миллер ввел в оборот не только огромный исторический материал, но и исследовал вопросы ясачной политики московского правительства за Уралом [6; 7]. П.Н.Буцинский, привлекая к изучению новые архивные документы, в том числе ясачные книги, списки служилых людей, населявших сибирские города, царские грамоты, отписки воевод, создал обширный труд о формировании первых сибирских уездов и фискальной политике в Азиатской России [4]. С.В.Бахрушин, привлекая новые источники, рассмотрел ясачную политику московского правительства в сибирских уездах. Исследователь определял ясак, как принудительную подать, установленную законом и являвшуюся признаком подданства [2. С. 49]. Значимую роль в изучении служебных обязанностей ратных людей Западной Сибири XVII в. сыграла монография Н.И.Никитина «Служилые люди Западной Сибири в XVII в.» [9]. Д.Я.Резун с привлечением широкого круга источников проследил родословную многих сибирских фамилий, в том числе служилого населения, на раннем этапе колонизации, привел сведения о разных видах «служб», которые несли сибирские ратники, в том числе «службы», связанной со сбором ясака, поиском новых «ясачных земель» [13].

Сохранился ряд царских грамот сибирским воеводам, разъясняющих особенности сбора ясака в регионе, отписки воевод, в которых нередко излагались челобитные служилых людей и ясачных остояков [5; 6; 7; 14].

На рубеже XVI—XVII вв. сбор ясака стал важной функцией ратных людей практически во всех сибирских уездах. Существуют документальные свидетельства участия служилых людей в сборе ясака в Верхотурье, Туринске, Тобольске, Тюмени, Березове, Пелыме. В сборе ясака и отправке ясачной казны в Москву принимали участие дети боярские, «литва», казаки, стрельцы. В одной из царских грамот сургутскому воеводе сообщается о сборе ясака через «особых ясачников», приведя их к крестному целованию. В царских наказах предписывалось посылать за сбором ясака лучших служилых людей, а с ними торговых и промышленных людей «добрых и за государевым крестным целованием» [8. С. 22—26].

С самого начала русские власти опирались в проведении своей политики на родоплеменную угорскую знать. Поэтому на первых порах на принципах вассалитета сбор ясака осуществлялся местными князьями. В дальнейшем эти княжества лишались политической самостоятельности, превращались в ясачные волости, возглавляемые «лучшими людьми» [3]. В некоторых ясачных волостях встречались случаи сопротивления ясачным сборщикам. Весьма сложно складывались отношения с русскими у князя Верхнего Нарыма Вони. Он не только долго не признавал власть Москвы и уклонялся от уплаты ясака, но и даже готов был к совместным действиям с Кучумом. Царская грамота от 31 августа 1596 г. сообщает о посылке 5 ясачников из числа сургутских стрельцов и казаков, которые не получили от князя Вони установленный ясак [10. С. 209]. После постройки Нарыма, в 1597 г., в котором несли службу «годовальщики», в сборе ясака принимали участие сургутские служилые [4. С. 96—97]. Согласно более поздней царской грамоте для сбора ясака из Сургута в «Пегую орду — в Нарымский острог» был отправлен отряд в 50—60 ратников во главе с сыном боярским [10. С. 213].

В конце XVI — начале XVII вв. еще не сложилась окончательно система фиска в отношении коренного населения, но о порядке сбора ясака в этот период можно судить по сведениям, содержащимся в царских грамотах верхотурским воеводам. Во время переписи

коренное население вносилось в специальные ясачные книги, в соответствии с которыми служилые люди осуществляли сбор подати. Помимо пушнины, ясак иногда брали рыбой, оленьими шкурами. Сведения о неокладном ясаке — добровольных подношениях «поминках» — вносились в отдельные списки. Собранный ясак надлежало разбирать («лучшие соболи к лучшим соболям, средние к средним, а худые соболи к худым, а лисицы черные к черным, а чернобурые к чернобурым»). Отсортированную «мягкую рухлядь» запечатывали «государевой печатью» и отправляли в Москву в сопровождении служилых людей [5. С. 21—28, 68—72; 8. С. 24—26].

Сбор ясака был возложен и на туринских служилых, несмотря на немногочисленность гарнизона. В царской грамоте от 30 августа 1601 г. содержится инструкция о порядке сбора ясака в Туринском уезде [6. С. 169—170].

Правительственные указы требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов, указывали на необходимость сохранения порядка и спокойствия в регионе. В царских грамотах сообщается о снижении размеров ясака или освобождении от уплаты «мягкой рухляди» за прошлые годы. Так, пельмскому воеводе Б.И.Полеву в царской грамоте от 20 июня 1596 г. предписывалось снизить размер ясака с пельмских вогулов ввиду невозможности его уплаты из-за гибели ясачных людей [7. С. 194—196]. Как следует из отписки царю нового воеводы П.Шаховского, ясак по ясачным книгам Б.Полева был собран и готов к отправке в Москву с сыном боярским М.Рчиновым в сопровождении двух «литвинов» и стрельца [14. С. 140—142].

Уже с конца XVI в. снаряжались экспедиции для «прииску новых неясачных землиц» [10. С. 213—214]. Так, в 1595 г. был принят поход тарских служилых людей во главе с головами Б.Доможировым и С.Рупосовым. Результатом этой экспедиции стало признание татарскими волостями Чунгулу, Лугуй, Тураш и другими русской власти, с уплатой ясака в Тару [7. С. 235]. Подобные экспедиции могли стоить жизни служилым людям. К примеру, березовский казачий атаман Алексей Галкин погиб при объясачивании Мангазейского уезда [1. С. 99; 12. С. 45].

Документально известны случаи злоупотребления служебными обязанностями приборных людей при сборе ясака. Царские указы

предписывали воеводам наказывать виновных и назначить более достойных сборщиков «мягкой рухляди» [5. С. 68—72; 6. С. 168].

Сбор ясака в конце XVI — начале XVII вв. стал важной функцией гарнизонов сибирских городов и острогов. Русские города в Сибири возникали в районах ясачного сбора, который осуществляли служилые люди.

Литература

1. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество: Сибирь XVII в. Новосибирск, 1991.
2. Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1.
3. Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. Л., 1935.
4. Будицкий П.Н. Соч.: В 2 т. Тюмень, 1999. Т. 2.
5. Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII вв. / Сост. Е.Н.Ошанина М., 1982. Вып.1, 2.
6. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2.
7. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. М., 1998. Кн.1.
8. Наказы сибирским воеводам в XVII веке / Сост. В.Кулешов. Белград, 1894.
9. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск, 1988.
10. Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.). М., 1900. Ч. 3.
11. Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995.
12. Резун Д.Я, Василевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989.
13. Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий. Новосибирск, 1993.
14. Русская историческая библиотека. М., 1875. Т. 2.

МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ МАКАРИЙ И НАЧАЛО ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ

В исследованиях, посвященных политической деятельности главы Русской Православной Церкви Макария 1542—1563 годов, по-видимому, являвшегося членом околоправительственного кружка А.Ф.Адашева — Сильвестра — «Избранной рады» Ивана Грозного, крайне мало места уделено роли митрополита в событиях начального этапа Ливонской войны. Биография митрополита Макария освещается в работах Н.Н.Веретенникова (Макария), посвященных церковно-политической и литературной деятельности первосвященника, но этот историк относительно внешнеполитической деятельности митрополита прямо ссылается на книгу И.И.Смирнова, посвятившего политической деятельности Макария отдельный раздел своей монографии с акцентом на выяснение исключительной роли митрополита во внутренней политике. Исследователь Ливонской войны В.Д.Королюк вообще не упоминает митрополита Макария [2; 3; 9; 4; 1; 5]. Такое состояние историографии вопроса о степени причастности митрополита Макария в Ливонской войне объясняется ограниченностью корпуса источников.

Архимандрит Макарий (Веретенников) отмечает, что «дипломатические документы Митрополита Макария по характеру относятся более к административно-деловым бумагам, и поэтому, в отличие от пастырских посланий, в них значительно меньше приводится, например, текстов Священного Писания» [3. С. 31].

Документы Посольского приказа дошли до нас далеко не полностью. Фрагментарно изданы материалы по истории русско-польских и русско-шведских отношений [7].

А.Л.Хорошкевич впервые обратила внимание на сложность условий внешнеполитической деятельности митрополита: прямые контакты с иностранными послами ущемляли престиж нововенчанного митрополитом государя [11. С. 33]. Так, католик, виленский конюший Ян Волчкович и православный, писарь Лукаш Габурда 26 июня 1558 г. после переговоров с Иваном IV посетили,

правда, под надзором главы Посольского приказа дьяка И.М.Висковатого, митрополита Макария «для благословенья. А дела с ними никоторого к митрополиту не было» [10. С. 220].

По словам Р.Г.Скрынникова, «в дни похода на Полоцк митрополит Макарий объявил, что православное воинство ведет священную борьбу против прескверных лютор, засевших в Литве» [8. С. 267]. Пискаревский летописец рассказывает о видении «... Макария митрополита о полоцком взятии» [6. С. 190]. Известно, что после «Полоцкого взятия» митрополит Макарий в Москве торжественно встречал и восхвалял Ивана IV [10. С. 240]. Митрополит мог поддерживать ливонскую кампанию, поскольку сама война сначала рассматривалась как чисто карательный поход за данью. Далее события начали разворачиваться так стремительно, что стороннику мира с Польско-Литовским государством ради борьбы с «басурманами» пришлось, вероятно, поддержать вторжение в Ливонию.

В разгар наступления в Прибалтике Иван IV согласился на мирное урегулирование отношений с Великим княжеством Литовским. В подготовке посольства участвовал и митрополит Макарий, с которым царь советовался перед отправкой миссии в Литву, что видно из челобитной митрополита и бояр. А.Л.Хорошкевич предполагает, что последние надеялись на то, что с помощью нового брака царя им удастся склонить его к продолжению курса «Избранной Рады». 18 августа 1560 г., через 11 дней после того, как царь остался вдовцом, был составлен наказ послам в Великое Княжество Литовское окольничему Ф.И.Сукину и дворцовому дьяку Г.Ф.Шапкину. Им вменялось в обязанность предложить Литве вечный мир, но на условиях женитьбы царя на Анне или Екатерине Ягеллонке. Ф.И.Сукину следовало выразить предпочтительность последней кандидатуры. Условий было два: одно кардинальное — принятие королевной православия, второе незначительное — ведение переговоров о будущем браке в Москве. Ф.И.Сукин должен был заявить, что «государя нашего советники за все государю нашему радят к покою хрестьянскому». Согласно наказу Иван IV «ко всем своим пограничным суседом смирение показывает и к добру хрестьянскому напоминает, сколкомошно, а гордостью не выситя ни над кем». По мнению А.Л.Хорошкевич, «стилистика... заявлений, равно как и риторика относительно роли Бога в мирских делах, живо напоминают решения Думы 1549 г., в которых

усматривается влияние Сильвестра, послания И.М.Висковатого, написанные, возможно, от имени Макария в 1553 г., или духовную грамоту самого царя» [10. С. 284—286]. Кто же был радетелем мира «между христиан» — Макарий, И.М.Висковатый или испытавшие влияние Сильвестра неизвестные сторонники Адашева из числа бояр? Так как Сильвестр к тому времени утратил влияние при дворе Ивана Грозного, а А.Ф.Адашев был в Ливонии, то, скорее всего, речь должна идти о Макарии.

Особенность переговоров, в подготовке которых участвовал митрополит, состоит в том, что они происходили в сложный период межгосударственных отношений Восточной Европы. Простор внешнеполитической деятельности митрополита Макария был ограничен престижем первого московского царя и саном митрополита как «духовного пастыря». Отношение митрополита к Ливонской войне можно признать прагматичным.

Литература

1. Амелькин А.О. Роль духовного сословия в формировании внешней политики российского государства в перв. половине XVI века // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX века. Международная конференция — Чтения памяти академика Л.В.Черепнина. Тез. докл. М., 1994. Ч. 1.
2. Архимандрит Макарий (Веретенников). Жизнь и труды свт. Макария, Митр. Московского и всея Руси. М., 2002.
3. Архимандрит Макарий (Веретенников). Из истории русской иерархии XVI в. М., 2006.
4. Граля И. Иван Михайлов Висковатый: Карьера государственного деятеля в России. М., 1994.
5. Королук В.Д. Ливонская война: Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. М., 1954.
6. Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34.
7. Рогожин Н.М. Посольские книги России конца XV—XVII веков. М., 1994.
8. Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси XIV—XVI века: Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991.
9. Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х гг. XVI века. М.; Л., 1958.
10. Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.
11. Хорошкевич А.Л. Царский титул Ивана Грозного и боярский мятеж 1553 года // Отечественная история. 1994. № 3.

**ГУБЕРНСКИЕ ОРГАНЫ
И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв.
(НА ПРИМЕРЕ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Веками в России поднимался, частично разрешался, откладывался вопрос о рациональном устройстве вертикали управления. Проблема кризиса власти, учет исторического развития процесса управления является недостаточно исследованной проблемой, особенно важной в настоящих условиях, когда отдельные субъекты Российской Федерации на первый план выдвигают местные потребности и ведомственные интересы. Тем более, сейчас государственная служба разбита на виды и ветви власти по вертикали и горизонтали, а ее организация стала предметом ведения или совместного ведения многих государственных органов [1].

В XIX веке создаются министерства — специальные отраслевые органы, расположенные в столице и сосредоточившие каждый по своему ведомству всю полноту власти, проистекающую до губернских и уездных учреждений. В подчинении соответствующего министра находились главы местных органов власти, их заместители, иные должности губернского административного аппарата.

Центральным звеном механизма управления губернией являлась система власти, состоявшая из подчиненных губернатору учреждений и должностных лиц. Выделяют следующие категории (группы) должностей губернского уровня по содержанию возложенных на них полномочий:

1) собственно управленческие должности (губернатор, вице-губернатор, председатели/управляющие губернских палат), к которым относились чиновники 4—6-го классов;

2) управленческие должности вспомогательного типа (советники, правители канцелярии, секретари, ассесоры, чиновники особых поручений), содействующие чиновникам 1-й группы в реализации своих полномочий. Эти должности были заняты чиновниками от 5 до 9-го класса;

3) управленческие должности специализированного типа с узкофункциональным статусом (губернские инженер, архитектор, землемер, врачебный инспектор, казначей, прокурор и стряпчие), которые замещались служащими 6—7-го классов;

4) «Технические» должности (экзекутор, казначей, архивариус, регистратор), обеспечивающие выполнение функций губернского органа. Эти места занимали чиновники 10—14-го классов.

Также должности государственной «губернской» службы можно объединить по их принадлежности к тем или иным ведомствам: внутренних дел (должности канцелярии губернатора, губернского правления), финансов (губернских палат), юстиции (судебные палаты, губернская прокуратура).

Рассмотрим структуру органов и их функциональное назначение Тобольского губернского управления второй половины XIX — начала XX вв.

Должность/структурное подразделение	Функции
Губернатор	Ведал всеми учреждениями гражданского ведомства, являлся председателем ряда губернских присутствий и комитетов, попечителем всех находившихся в губернии женских гимназий и прогимназий. Осуществлял руководство сначала через губернскую канцелярию, позднее — через подчиненное ему губернское правление и губернские учреждения
Губернское правление	Осуществляло: административное управление губернией; обнародование законов, указов и распоряжений Императора, Сената и других высших и центральных учреждений, надзор за их выполнением; решение дел, не требующих судебного разбирательства; наложение ареста на имущество по приговорам судебных органов; рассмотрение жалоб на подчиненные губернскому правлению учреждения и лица

Тюремное отделение Тобольского губернского управления	Исполнение судебных приговоров, содержание в порядке тюрем, исправительных приютов, колоний и арестантских домов, соблюдение общих постановлений и правил о порядке содержания арестантов, пересылка ссыльных
Казенные ведомства	Ведение гильдейского семейного учёта, предоставление государственным учреждениям различного рода сведений о лицах купеческого звания и, в особенности, сбор различных взносов и выдача сословных и промысловых свидетельств
Городские полицейские управления	Наблюдение за исполнением законов, охрана порядка и надлежащего повиновения властям, исполнение обязанностей по делам судебного ведомства, казенного управления, военного ведомства и общественного хозяйства
Заведующий колоднической частью Тобольского городского полицейского управления	Прием, распределение, учет содержания колодников
Тобольская губернская тюремная инспекция	Тюремная благотворительность, нравственное и религиозное воспитание заключенных, заведование всей хозяйственной частью
Тобольский губернский попечительный комитет о тюрьмах	Наблюдение за порядком размещения арестантов в тюремных камерах, состоянием тюремных помещений и больниц, препровождением арестантов по этапу и продовольственным снабжением тюрем
Тобольский губернский попечительный о тюрьмах комитет по женскому отделению	Организация быта арестованных; наблюдал за размещением, отправкой и снабжением арестанток, за состоянием тюремных помещений и больниц

Тобольский приказ о ссыльных. Тобольская экспедиция о ссыльных	Прием, распределение и учет ссыльных
Тобольское губернское жандармское управление	Борьба с революционным движением, усмирение волнений, производство обысков и арестов, исполнение судебных приговоров, сопровождение осужденных, политическое дознание и следствие
Тобольский губернский совет по крестьянским делам	Ведал вопросами размежевания крестьянских земель, устройством переселенцев на казенных землях, опекой сиротского имущества и семейными разделами, образованием новых сельских обществ, сбором сведений о выполнении крестьянами натуральных и денежных повинностей, благоустройством дорог и мостов
Отделение по крестьянским делам Тобольского губернского управления	Утверждение проектов о распределении селений по волостям, об образовании сельских обществ, о разграничении крестьянских наделов и выделении запасных участков для переселенцев, об отдаче в аренду крестьянам казенно-оброчных земель
Крестьянские начальники Тобольского уезда 3 фонда	Осуществлял надзор за крестьянским общественным управлением, исполнял обязанности административно-полицейского характера, наблюдал за выполнением крестьянами натуральных повинностей и денежных податей, ведал раскладкой оброчной поземельной подати и состоянием мирских капиталов сельских школ, наблюдал за проведением санитарных и противопожарных мероприятий. Ему предоставлялось право

	приостанавливать решения сельских сходов, смещать волостных и сельских писарей, разбирать жалобы на должностных лиц волостного и сельского управления.
--	--

Таким образом, раскрывая структуру и функции Тобольского губернского управления во второй половине XIX — начале XX веков, можно заключить, что система отличалась четкостью и продуманностью. Она охватывала все стороны жизни региона. В то же время были недостатки: дублирование функций у смежных должностных структур.

Литература

1. Чуб Н.В. Табель о рангах 1722 года и ее значение в развитии государственной службы // Известия Тульского Государственного Университета. Серия «История и культурология». Вып. 5. Тула, 2006.

**ОСНОВНЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ В ВАХОВСКОМ КРАЕ
В КОНЦЕ XIX — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX вв.**

Специалистам-этнографам и историкам, изучающим какой-либо этнос или этническую группу, важно знать особенности демографических процессов, обусловленных определёнными отношениями, складывающимися в жизни людей, прежде всего общественными. Поэтому демография тесно связана с рядом других наук — политической экономией, медициной, этнографией и др. Центральное место в изучении демографических процессов занимает исследование воспроизводства населения вследствие естественной смены поколений, т.е. через рождаемость и смертность, или так называемого естественного движения населения, а также миграцию. Наконец, изменения совершаются и путём перехода людей из одного состояния в другое (из одних групп в другие) по мере изменения их возраста, семейного положения, числа детей или уровня образования, профессии, социального положения. В широкой трактовке воспроизводство населения состоит в изменении его численности, состава и размещения под влиянием демографических процессов — естественного движения, миграции и мобильности.

К изучению демографических процессов у ваховских хантов в конце XIX — начале XX вв. обращались многие исследователи. Среди них следует отметить С.К.Патканова, У.Т.Сирелиуса, А.А.Дунина-Горкавича, Г.М.Дмитриева-Садовникова, Г.Старцева, М.Б.Шатилова и др. Однако эти процессы в их трудах обычно рассматриваются попутно, в рамках сюжетов, связанных с другими аспектами жизни ваховских хантов.

С.К.Патканов первым произвел серьёзное этнодемографическое исследование населения Сибири в XIX веке. В 1886 г. С.К.Патканов в числе нескольких чиновников Министерства государственных имуществ был командирован в Тобольскую и Томскую губернии для сбора сведений «об экономическом быте крестьян и инородцев» [4. С. 11]. В работе «Племенной состав населения Сибири»

им на конкретных цифрах Всероссийской переписи 1897 г. показан значительный рост численности коренного населения. С.К.Паткановым были сделаны выводы о том, что численность ханты в XIX в. уменьшилась в четырех округах, включая ваховский, а в одном — немного увеличилась (в каком, к сожалению, не указано) [5. С. 13]. К факторам, влияющим на численный состав населения, он относил природно-географическое положение региона и неблагоприятные климатические условия.

В 1898 г. финский этнограф У.Т.Сирелиус во время поездки на р.Вах с целью изучения традиционной культуры ханты отметил снижение численности «остяцкого населения» [7. С. 342]. Он сообщает, что это связано с низким уровнем медицины, ранними браками, преобладанием мужского населения над женским, что является следствием родственных браков, а также чрезмерным употреблением алкогольных напитков.

В 1899 и 1900 гг. на Вахе побывал известный исследователь Тобольского севера, самаровский лесничий, А.А.Дунин-Горкавич. Он также высказал мнение о снижении численности остяков: «Факт угасания инородцев — вне всякого сомнения, но он происходит не в одинаковой степени и не повсеместно» [3. С. 93]. К основной причине ухудшения демографической ситуации в регионе он относит беспробудное пьянство. По его словам, «Пьют все мужчины и женщины, старые и малые, остяки дают водку даже грудным детям» [2. С. 32]. Исследователь также отмечает, что удаленность региона от центра введет к крайней бедности и несвоевременному оказанию медицинской помощи: «Остяки, обитающие в бассейне реки Вах, находятся в особенно неблагоприятных условиях. Единственный объект их промысла — белка. Они очень бедны. Оленеводство не обеспечивает их даже средствами передвижения, одеваются они в покупные олени шкуры» [3. С. 52]. Положение медицинской помощи оставляет желать лучшего. На момент обследования в крае существовало всего три больницы — в Березове, Обдорске и Сургуте. «Инородцы ваховского края во время болезни обращались к шаману, но его роль была невелика, он мог лишь предсказать исход болезни» [3. С. 93]. Еще одним фактором, влияющим на демографические процессы в регионе, А.А.Дунин-Горкавич называет ранние браки (в возрасте 13—16 лет) и неравные браки (когда одному из супругов за 40, а другому 13—17). Они ведут

к слабому и немногочисленному потомству [3. С. 94]. Александр Александрович приходит к выводу, что «вымирание инородцев обусловлено, с одной стороны, слабой производительностью расы, а с другой, неумолимым законом, по которому малокультурная народность неизбежно вырождается при соприкосновении с народностью более культурной» [3. С. 95].

В 1913 г. Тобольским губернским музеем была организована экспедиция в бассейн реки Вах, в состав которой вошел Г.М.Дмитриев-Садовников. По результатам экспедиции и ранее сделанным наблюдениям, им составлена статистическая таблица демографической ситуации в ваховском регионе за 1805—1907 гг., исходя из которой видно, что смертность была очень незначительна, за исключением некоторых эпидемических годов [1. С. 97]. Григорий Матвеевич видит причины «вымирания инородцев» не в экономических условиях, на которые, по его мнению, обыкновенно сваливают всю вину, не в удаленности от центра, а в непригодности к новым окружающим условиям жизни, появлении новых болезней и слабости медицины [1. С. 101]. Новыми для региона он называет такие болезни как оспа, чахотка и сифилис, хотя случаи заражения оспой были зафиксированы еще А.А.Дуниным-Горкавичем в 1900 г. [3. С. 94]. При таких условиях, отмечает Г.М.Дмитриев-Садовников, «в недалеком будущем ваховские остяки, не так давно отличающиеся крепким здоровьем и долголетием, исчезнут незаметно» [1. С. 101].

Спустя 12 лет, в 1925 г., было проведено обследование экономического положения остяков по заданию Комитета по делам северных народностей при ЦИКе РСФСР, которым занимался Г.А.Старцев [6. С. 3]. По его результатам, в 1928 г., вышел очерк Г.А.Старцева «Остяки» [6]. На момент исследования в бассейне р.Вах проживало 2 919 человек [6. С. 17]. Ваховский край ученый относит к очень бедному району. Печальные бытовые условия, в которых живут остяки, по словам Г.А.Старцева, отражались на рождаемости и смертности. В некоторых районах количество населения не меняется, в других наблюдается прирост, а в Сургутском районе — убыль [6. С. 47]. Картина движения населения в Ларьякской волости, охватывающей почти весь бассейн р.Вах, показывает некоторый прирост населения. Г.А.Старцев полагал, что здесь повлияли более или менее равномерное и достаточное для населения

добывание средств к существованию путем охоты и некоторая изолированность края [6. С. 49]. На Вахе за 35 лет (1890—1924 гг.) население возросло на 796 человек (404 мужчины и 392 женщины). В 1890 г. в Ларьякской волости проживало 1 616 человек обоего пола, в 1924 г. — 2 312 человек. Эти данные исследователь предоставляет из метрических выписок о рождении и смерти населения по Ларьякской волости [6. С. 49]. Таким образом, исследователь приходит к выводу, что положение остяков меняется к лучшему. Главной причиной этого являются советская власть и ее орган — Комитет по обслуживанию туземцев севера, усиленно начинающий проводить ряд мероприятий по оздоровлению их жизни и быта и вовлечению в ряды культурных народов [6. С. 11].

Через год в экспедицию для всестороннего исследования природных ресурсов и хозяйственно-бытового комплекса ваховских хантов отправился томский исследователь М.Б.Шатилов. На момент написания своего монографического труда «Ваховские остяки», изданного в 1931 г., Михаил Бонифатьевич располагал официальными данными Александро-Ваховского РИКа, что позволило ему сделать сравнительный анализ с полученными данными на момент экспедиции. По сведениям РИКа, в 1927 г. население Ваха составляло 1 721 человек, а по данным, собранным экспедицией в 1926 г., 1 702 человека [7. С. 59, 62]. Томский ученый подтверждает выводы многих предшествующих ему ученых, в частности У.Т.Сирелиуса о преобладании мужского населения над женским, и приводит данные о том, что на 286 мужчин приходится 231 женщина (т.е. 55,1% и 44,9% соответственно) [7. С. 62]; С.К.Патканова о влиянии природно-климатического фактора и физико-географического положения на жизнь «аборигенов» [7. С. 66]; А.А.Дунина-Горкавича и Г.М.Дмитриева-Садовникова о слабости медицины в крае, Г.А.Старцева о бедности и удаленности региона.

Помимо этого, М.Б.Шатилов рассматривает как важную составляющую в демографическом развитии численность грамотного и неграмотного населения, распределяет исследуемых хантов на холостых и женатых, обращает внимание на особенности в выборе жениха и невесты, отмечая, что отсутствие брака по любви является одной из психологических проблем, не способствующей воспроизводству населения [7. С. 64—65]. При этом ученый приходит к выводу, что хотя на «Вахе наблюдается несколько пониженный

прирост населения, но о катастрофическом положении ваховских остяков в отношении вопроса их вымирания речи не идет». По словам М.Б.Шатилова, «на Вахе имеется положительный прирост населения, который по мере улучшения хозяйственно-бытовых условий жизни, несомненно, пойдет в сторону возрастания и приблизится к общей норме прироста».

Литература

1. Дмитриев-Садовников Г.М. Лук, облас, бересто: Ремесленные процессы Ваховских ханты в описаниях и фотографиях / И.В.Игонина. Нижневартовск, 2011.
2. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: Географическое и статистическое описание страны по отдельным географическим районам. М., 1996. Т. II.
3. Дунин-Горкавич А.А. Медицина и вымирание инородцев // Исследователь Севера Александр Дунин-Горкавич. М., 1995.
4. Мандрика Ю. Его главная книга: Следствие по делу Серафима Патканова // Патканов С.К. Сочинения в 2 т. Тюмень, 1999. Т. 1.
5. Патканов С.К. Племенной состав и население Сибири. СПб., 1911.
6. Старцев Г. Остяки: Социально-этнографический очерк. Л., 1928.
7. Сирелиус У.Т. Путешествие к хантам. Томск, 2001.
8. Шатилов М.Б. Ваховские остяки: Этнографические очерки. Тюмень, 2000.

СОВЕТСКОЕ ДЕТСТВО В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

История детства как научное направление находится на стыке исторической дисциплины, антропологии, психологии, социологии, искусствоведения. Повышенный интерес к комплексному изучению этой социальной группы связан с признанием обществом и государством детства как культурно-нравственного, трудового потенциала общества, а численность детей и условия их социализации как качество человеческого потенциала.

История советского детства стала предметом исследования как отечественных, так и зарубежных исследователей. Общеизвестными в изучении истории детства являются труды французского историка Филиппа Арьеса. Исследователем впервые был выдвинут тезис, что детство — это социальный конструкт, изменяющийся от эпохи к эпохе. Историк, привлекая новый круг источников, главным образом состоящих из эго-документов — детских писем, дневников, воспоминаний, представил новый подход в изучении детства, основанный на анализе детского восприятия взрослого мира [1; 2; 3].

Британский историк К.Келли в статье «Маленькие граждане большой страны: интернационализм, дети и советская пропаганда» подчеркивает, что история российского детства согласуется с международной моделью, согласно которой детство «модернизировалось» в соответствии с транснациональными и универсалистскими принципами. В отношении истории детства основополагающие черты утопического стремления сделать человеческое существование более «современным» таковы: 1) широкое вмешательство государства в воспитание детей, которое производится не просто посредством образования в обычном смысле, но через институционализированную заботу о детях дошкольного возраста, назначение «детских инспекторов», проверяющих, как родители обращаются со своими отпрысками, и обеспечение субсидий семьям в обмен на очевидные требования к этим семьям вести себя надлежащим образом; 2) поощрение поставки необходимой или желательной

продукции для детей, начиная с подгузников и кончая обучающими игрушками и детскими книжками; 3) распространяющаяся ассоциация между политической легитимностью и заботой о благополучии детей, выраженная в портретах политических лидеров с маленькими детьми и в том выдающемся внимании, которое уделялось вопросам образования и детского благополучия в политических манифестах, указах и на политических конгрессах; 4) акцент на воспитании детей как законопослушных граждан с ранних лет. Советское школьное образование, как подчеркивает исследовательница, было интернациональным. Особенность интернационального воспитания определялась формированием в детском сознании чувства принадлежности к стране, непохожей на остальные страны мира. Большую роль в этом автор отводит государственной политике, направленной на социализацию детей посредством обучения, вовлечения в политические организации (такие как пионерское движение) и пропаганды (включающей литературу для детей, школьные учебники и визуальные средства, например, плакаты) [4].

История советского детства стала предметом обсуждения участников Международной конференции «История детства как предмет исследования: наследие Ф.Арьеса в Европе и России», прошедшей в Москве в 2009 году.

Достаточно интересным представляется доклад А.Ю.Рожкова «“Маленькие истории” большой войны: воспоминания об “оккупированном детстве” в школьных сочинениях 1945 года», в котором автор делится опытом изучения мировоззрения школьников во время войны, в основе его исследования лежит анализ школьных сочинений. Автор доклада пришел к выводу, что представления рассуждения учащихся о войне не только формировались на основе субъективного опыта переживаний, но и активно дополнялись официальным дискурсом политической пропаганды. По мнению исследователя, работы мальчиков более рациональны и информативны, порой напоминают сводки Совинформбюро.

Вопросам влияния института пионерии (уставных текстов пионерской организации, ритуалов и ритуального этикета) в формировании коммунистического мировоззрения советских детей посвящены труды С.Леонтьевой. Особое значение автор придает агитационным повествовательным текстам (стенгазетам). Одна из основных

задач этих текстов состояла в конструировании идеального пионерского образа. В основе воспитательной картины мира лежали понятия, важные для коммунистической идеологии: верность партии, готовность к подвигу ради достижения ее целей. В эмоциональном плане в детях формировалось экстремальное мироощущение: нужно быть всегда готовым к подвигу, трудовому или военному [5; 6]. Проблеме советского детства в послевоенное десятилетие по материалам Молотовской области посвящена кандидатская диссертация М.В.Ромашовой. Автор сосредоточила внимание на изучении направлений государственной политики в области детства и ее реализации на местах, сделав вывод, что реализация сложившейся в 1930-е гг. модели советского воспитания столкнулась с трудностями послевоенного времени. Поэтому усвоение норм, ценностей и моделей поведения происходило вне рамок официальной социализации и оказывало сильное воздействие на послевоенное подрастающее поколение [7].

А.А.Славко рассмотрел условия социализации безнадзорных и беспризорных детей в послевоенный период во главе «Социальный облик детей, оставшихся без попечения родителей» докторской диссертации [8]. Автор справедливо отмечает рост беспризорности и безнадзорности после войны, связанный с новым витком политических репрессий. Рассматривая условия жизни беспризорного ребёнка, историк пришел к выводу: «дети обитали среди таких же бесправных, как они сами, и считали, что их родители виновны перед государством. Дети репрессированных родителей оказывались в несколько иной ситуации. Подростки официальными органами и общественностью сразу причислялись к врагам народа, у малышей всячески стирали память о родителях. Стаж беспризорности у них, как правило, был незначительный — до одной недели» [8. С. 22]. Система репрессивной политики Советского государства, решающая задачу в том числе и идеологического воспитания в духе преданности советской власти и Коммунистической партии, в конечном итоге лишила права многих детей на счастливое детство. Шейла Фицпатрик, американский историк, советолог, рассматривая судьбу безнадзорных «кулацких детей» в деревнях, описывает, как дети длительное время скитались по деревне и никто не решался их приютить, что, по мнению автора, свидетельствовало о деморализации и распаде общины, сельсоветы

и колхозы, несмотря на предписания, не хотели брать на себя ответственность за судьбу этих детей [10].

Т.М.Смирнова посвятила раздел докторской диссертации проблеме отношения в обществе к детям репрессированных в части «Интеграция детей "бывших" в послереволюционное общество, 1917—1936 гг.» [9]. Автор, описывая эволюцию отношений к таким детям в обществе в первые послереволюционные годы и второй половине 1930-х гг., приходит к выводу об углублении грани между детьми «номенклатурных» работников и рядовых граждан; особое внимание уделялось воспитанию детей «чуждых», проведению среди них «правильной классовой политики», воспитанию ненависти по отношению к «социально чуждым».

Анализ историографических источников показал, что при всем многообразии исследований, посвященных истории детства, наиболее полно раскрыт период первой половины XX в., когда была заложена парадигма советского воспитания, тогда как послевоенный период, период трансформации этой парадигмы остается, за редким исключением, вне поля зрения специалистов. В частности, не рассмотрены условия социализации детей, выросших в условиях самостоятельности и инициативности взрослой жизни, заданной войной, насколько эти дети были восприимчивы к «закручиванию гаек» государством в послевоенный период. Изучение послевоенного периода во многом поможет понять истоки восприятия подросткового поколения советских граждан новых явлений «оттепели».

Литература

1. Арьес Ф. Время истории. М., 2011.
2. Арьес Ф. Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999.
3. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.
4. Келли К. «Маленькие граждане большой страны»: интернационализм, дети и советская пропаганда / Авторизированный пер. с англ. Я.Токаревой. URL: <http://magazines.russ.ru>.
5. Леонтьева С. Пионер — всем пример // Отечественные записки. 2004 № 3 (17). URL: <http://www.strana-oz.ru>.
6. Леонтьева С. Трудовое детство // Отечественные записки. 2003. № 3 (11).

7. Ромашова М.В. Советское детство в 1945 — середине 1950-х гг.: государственные проекты и провинциальные практики (по материалам Молотовской области): Автореф. канд. ист. наук. Пермь, 2006.
8. Славко А.А. Детская беспризорность и безнадзорность в России конца 1920-х — начала 1950-х годов: социальный портрет, причины, формы борьбы: Автореф. дис. ... док. ист. наук. Самара, 2011.
9. Смирнова Т.М. «Бывшие люди» в социальной структуре и повседневной жизни советского общества (1917—1936 гг.): Автореф. дис. ... док. ист. наук. М., 2010.
10. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. URL: <http://krotov.info>.

К ОЦЕНКЕ БЛИЖАЙШИХ ПОСЛЕДСТВИЙ СИБИРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ЕРМАКА

Многочисленные русские книжники конца XVI—XVII вв., и не только официальные, их современники — служилые люди восточных уездов России, в том числе «иноземцы», началом превращения бескрайней Сибири в новую окраину Московского государства единодушно считали «Ермаково взятие» «Кучумова царства». Так находит и большинство историков. Недавно, однако, Д.М.Володихин счел, что экспедиция Ермака закончилась страшным разгромом казачьего отряда, и гибелью его вождя, с которой «русское дело в Сибири пало», и начало «государственного» присоединения этой бескрайней страны к России относится к более позднему времени. При этом популярный московский историк ссылается на сочинение известного английского дипломата и предпринимателя Дж.Горсея «Торжественная и пышная коронация Федора Ивановича, царя русского», где читаем, что после венчания на престол и «богомольного» похода в Троице-Сергиев монастырь новый московский государь, следуя совету своего шурина Бориса Годунова, отправил войско в Сибирь, и оно «в течение полутора лет... завоевало 1000 миль» [2. С. 50—51]. Заметим, что в другом произведении Горсея — «Путешествиях» — подобно многим русским источникам говорится о присоединении Сибири к «Московии» при царе Иване Васильевиче [3. С. 91, 147; ср. С. 106—107, 198].

По данным конца XVII в., от Тобольска до Соликамска было 323,2 версты [9. С. 224—225, 281, 337]. Соотношение версты и мили выражается коэффициентом 0,6712 [4. С. 71 и др.], следовательно, в милях расстояние от сибирской столицы (с 1599 г.) до центра Прикамья составляло 216,93. Стало быть, говоря о завоевании войском «святоцаря» Федора 1000 миль, английский мемуарист допустил сильное преувеличение, это его известие должно считаться метафоричным. Вызывают сомнения и хронологические расчеты Горсея. По русским источникам, Федор Иванович посетил Троице-Сергиев монастырь не вскоре после коронации, состоявшейся

31 мая 1584 г., а в августе следующего года, когда переложил в новую раку мощи Сергия Радонежского [7. С. 137 и др.]. Экспедиция же Сукина и Мясного, «поставивших» Тюмень на развалинах Чимги-Туры, началась скорее всего ранней весной 1586 г. [9. С. 136, 189, 258, 315, 345; 11. С. 75], а Чулкова — год спустя. В таком случае повторное (вслед за «Ермаковым взятием») утверждение русских в центре Западной Сибири, и теперь уже навсегда, затянулось меньше чем на полтора года. Мансуров же, не добравшийся до бывшей ставки Кучума, где утвердился Алей (Али), потом Сейдяк (Саййид Ахмад бек Тайбугид), а выстроивший Обской городок в устье Иртыша, вероятно, двинулся за «Камень» весной 1585 г. и примерно год спустя вернулся в Москву.

Горсей, кстати, ошибочно писал о завоевании Иваном IV ногаев и их вхождении в состав Московского государства [14. С. 405].

По словам Саввы Есипова, когда Мансуров достиг Иртыша, «тотар же множество собирая во уреченном месте... на берегу». Воевода, «виде таково собрание поганых и слыша, яко казаки (ермаковцы. — Я.С.) побегоша из града (Сибири. — Я.С.), и [убояся]», поплыл вниз по Иртышу до Оби, над которой «против иртышского устья» «поставил» городок, следом осажденный множеством остяков. Примечательно, что выражение «во уреченном месте» из этого рассказа, почти лишенного конкретных подробностей, имеется в синодике «ермаковым казакам» [9. С. 64, 71, 380], а про «собрание» или множество «поганых», множество «нечестивых» упоминается в есиповских «тетрадах» и ранее [9. С. 52, 53, 62, 63; ср. С. 59, 131, 132, 134, 138]. Не исключено, что (как и состоявшееся на Абалаке многочасовое сражение, приведение вольными казаками к шерти татар и остяков [13. С. 52—53 и др.], о чем поведал владычный дьяк) огромное войско, преградившее Мансурову путь к бывшей столице Сибирского юрта и осадившее Обский городок, — это «вымышленное обстоятельство» (по классификации Е.К.Ромодановской), и московский воевода, вряд ли располагавший крупными силами, мог двинуться в Обь-Иртышье, узнав, что оставленный русскими город Сибирь находится в руках татар — или наследника Кучума Али, или изгнавшего его Сейдяка.

Любопытно, что в главах Есиповской летописи, посвященных основанию Тюмени и Тобольска, не упоминается о сопротивлении, оказанном местными «иноземцами» служилым людям. По мнению

Г.Ф.Миллера, Сибирь, завоевание которой русским приходилось начинать как бы сызнова, приходила в трепет при одном упоминании русского имени [6. С. 266]. Но к 1586 г. ощущались и другие последствия неоднократных поражений, которые кучумляне понесли в ходе трехлетних боев с «дружиной» Ермака. Военные ресурсы распавшегося на отдельные улусы Сибирского «царства» в значительной мере были исчерпаны, тем более что в борьбу с ханом и его наследниками вступил Сейдяк. Таким образом, следует расстаться с представлением, будто «экспедиция Ермака оказалась в конце концов простой рекогносцировкой» [5. С. 443—444].

Д.М.Володихин фактически отрицает роль Ермака и его соратников в гибели «Кучумова» юрта. Однако уже современники, бесспорно, самого известного атамана и их ближайшие потомки не сомневались в решающем значении «Сибирского взятия» первой половины 1580-х гг. для судеб «Закаменской страны». Так, в 1622 г. в ответ на челобитную добивавшегося вакантного места тюменского атамана конного казака Г.Иванова была послана государева грамота, где утверждалось, что этот сподвижник Ермака, который провел с ним «и с иными атаманы» «на Поле» два десятилетия, «как с Ермаком Сибирь взяли, и Кучума царя с куреня збили, а царство Сибирское нам взяли», нес «многие службы», в частности, «ставил» Тюмень, Тобольск, Пелым, Тару, Томск, участвовал в пленении Али, разгроме его отца на Оби и «калмыцких людей» при боярине М.М.Годунове [6. С. 446—447; 8. С. 128], т.е. экспедиции Сукина и Чулкова перечисляются среди тех событий, которые последовали за переходом Сибири под власть московского государя.

По мнению Д.Я.Резуна, согласно «концепциям» местных летописцев, «присоединение и освоение Сибири начинается не столько с похода Ермака, сколько с момента построения первых русских городов» [12. С. 96]. Этому взгляду противоречат утверждения многих других тобольских книжников, что «Сибирская страна» «взята бысть от рускаго полка, собраннаго и водимаго атаманом Ермаком Тимофеевым». Сошлемся и на одно из авторских названий Есиповской летописи: «Сибирское царство и княжение, и о взятии, и о Тоболске граде» [9. С. 42, 70, 72, 74, 138, 146, 178, 189, 231—232, 258, 380 и др.]. В изображении тобольских, да и многих московских книжников служилые люди, возглавляемые Сукиным, Мясным, Чулковым, являлись последователями ермаковцев, одолевших

сибирского «салтана», владения которого еще при Грозном стали частью России (недаром, по выражению Есипова, Иван Васильевич послал Болховского и Глухова в Сибирь как в свою «державу»).

Примечательно, что если Ермак и его соратники, завоевавшие «пресловутое царство», удостоились государева жалования (свидетельства по этому поводу, впрочем, не совпадают), то был ли награжден Мансуров, «срубивший» первый русский острог в «Сибирской стране», можно лишь догадываться (воевода, по мнению летописцев, «убоялся» «поганых» и не высадился на берег при впадении Тобола в Иртыш, даже «ничего добра не учинил» [9. С. 60, 64, 135, 138, 251]), Сукин же, Мясной и Чулков по возвращении из-за Урала подверглись опале.

С точки зрения С.М.Середонина, М.О.Акишина, Е.А.Рябининой, в 1586 г. началось вторичное или повторное завоевание русскими Северной Азии. Предпочтительнее мысль Н.М.Карамзина, что в начале царствования «освятованного» Федора было «довершено» завоевание татарского ханства, раскинувшегося к востоку от Урала. Ведь «ермаковы казаки», заслуги которых признавались московским правительством и в XVII в. [1. С. 78—83], не только сокрушили основные силы Кучума (главным образом в сражении у Чувашева мыса), но и приступили к взиманию ясака с коренного населения Сибири.

«Храбросердый» атаман и его «товарищи» сумели одолеть «кучумлян», о чем (вероятно, при посредничестве Строгановых) стало известно в Москве, и там, чтобы оказать помощь малочисленной казачьей «дружине», решили снарядить в Сибирь, которая считалась «государевой вотчиной» по меньшей мере с сер. XVI в., отряд С.Д.Болховского, а затем (уже после того, как ко двору Федора Ивановича был привезен царевич Маметкул, еще не зная об оставлении «Закаменской страны» уцелевшими ермаковцами) и рать И.А.Мансурова. Этот воевода, позднее и В.Б.Сукин, И.Н.Мясной, Д.Д.Чулков, выстроившие в Сибири первые русские укрепленные поселения, смогли закрепиться в огромном крае, бывшем накануне «юртом» Кучума, которому Ермак и его сподвижники нанесли смертельный, непоправимый удар.

Недавно Е.В.Пчелов констатировал, что «наименование «Сибирская земля» впервые встречается в титуле (российских самодержцев. — Я.С.) еще в июне 1555 г.», поскольку в январе того года

Едигер обратился к Ивану IV с просьбой взять Сибирь «под его руку». Царем же Сибирским московского государя стали называть с 1599 г., ибо в августе предыдущего года войско Кучума было окончательно разгромлено тарскими воеводами (точнее, письменным головой Тары А.М.Воейковым). Следовательно, — находит Е.В.Пчелов, — в восприятии современников не поход Ермака, а именно события 1555 и 1598 гг. явились важнейшими этапами «установления власти Московского царя над Сибирью» [10. С. 6 и др.]. Но еще Василий Шуйский и поначалу Михаил Федорович наподобие Ивана Грозного и его «крестоносного» преемника часто именовались повелителями «всей Сибирской земли и Северной страны». Есипов умалчивает о зависимости Едигера и Бекбулата от «гордояростного» самодержца — или по незнанию, или в силу убеждения, что Сибирь сделалась частью России благодаря «русскому полку, собранному и водимому» Ермаком. Вероятно, этому архиерейскому дьяку не были известны официальные московские летописи, где сообщалось о переходе сибирских правителей «под высокую руку» первого московского царя. Автор Есиповской летописи ничего не рассказывает об отношениях России с Кучумом и его предшественниками, например, походах времени Ивана III; так поступали и другие сибирские «писатели». В глазах Есипова казаки предприняли экспедицию за «Камень» по собственной инициативе, а «Сибирское взятие» стало для царя Ивана Васильевича полной неожиданностью. И в посольских наказах рубежа XVI—XVII вв. (там подчас утверждается, что Сибирью овладел еще Иван III, а снаряженный его внуком либо «преблаженным» Федором казачий поход явился карой за «отступление» «сибирских людей» от московского государя), и в созданных примерно тогда же многих летописных сочинениях, где идет речь о присоединении к России еще одного татарского «юрта» (которое нередко сводится к экспедиции Ермака, а то и строительству первых русских городов на землях, ранее подвластных Кучуму), не сказано о событиях 1555 и 1598 гг.

Со времени основания Тюмени и Тобольска, вокруг которых вскоре сложились уезды, Западная Сибирь (в пределах основной части существовавшего там ханства) начала превращаться в «дальчайшую вотчину» российских самодержцев; в ее состав через несколько лет вошла и Югра. Ко времени разгрома Кучума отрядом

тарских служилых людей в «Сибирской стране», помимо перечисленных городов, выросли и Верхотурье, Обдорский и Нарымский остроги. Географические контуры нового «царства», обладателем которого наряду с Казанским и Астраханским, судя по титулу, стал недавно избранный на трон Борис Федорович, совпадали с Тобольским разрядом, образованным в 1599 г. (при назначении воеводой в город, получивший имя «реки ради Тоболы», «сродича» нового государя окольничего С.Ф.Сабурова). Возможно, именно это административное решение, предполагавшее наделение Тобольска статусом «начальнейшего», «старейшины», «царствующего», «первоименитого», т.е. столицы (которой накануне являлся покинутый к тому времени город Сибирь), и побудило московские власти закрепить в титуле положение российского венценосца и как сибирского царя. К тому же Кучум и раньше терпел ощутимые поражения от русских: и как только в его «улусах» оказалась «дружина» Ермака, и вскоре после основания Тары, в 1595 г. Возможно, новый элемент царского титула появился в связи с коронацией Бориса Федоровича, ко времени которой (3 сентября 1598 г.) в Москве не знали еще об одном, теперь уже полном, разгроме Кучума. Напомним также, что в 1597 г. русские служилые люди, подчиненные сургутскому письменному голове И.И.Колемину, совершили успешный поход против князя Пегой Орды Вони, и это стало следующим шагом, — следующим за предыдущими, первый из которых был сделан в «золотоносный край» Ермаком, — на пути включения необозримых сибирских «землиц» в состав Российской державы.

Литература

1. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.
2. Володихин Д. Тысяча миль за полтора года: Русское наступление в Сибири при царе Федоре Ивановиче // Родина. 2010. № 8.
3. Горсей Джером. Записки о России: XVI — начало XVII в. М., 1990.
4. Каштанов С.М. Этапы большого пути: от Белого моря до Москвы (по запискам англичан середины XVI в.) // Исторический источник: человек и пространство: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. М., 1997.
5. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX в. М., 1996.
6. Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М., 1999. Т. 1.
7. Николаева Т.В. Древнерусская живопись Загорского музея. М., 1977.

8. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.) / Сост. Н.Н.Оглоблин. Б. м., б. г. Ч. 2.
9. Полное собрание русских летописей. М., 1987. Т. 36.
10. Пчелов Е.В. Территориальный титул российских государей: структура и принципы формирования // Российская история. 2010. № 1.
11. Разрядная книга 1475—1605. М., 1987. Т. 3. Ч. 2.
12. Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI — первой половины XVIII века. Новосибирск, 1982.
13. Солодкин Я.Г. «Ермаково взятие» Сибири: загадки и решения. Нижневартовск, 2010.
14. Трепавлов В.В. «Под государевой высокою рукою»: проблема российского подданства кочевников в историографии и источниках // Россия и мировая цивилизация: К 70-летию члена-корреспондента РАН А.Н.Сахарова. М., 2000.

**ОТНОШЕНИЯ РОССИИ С ЗАПАДНЫМИ СОСЕДЯМИ
НА РУБЕЖЕ XVII—XVIII СТОЛЕТИЙ
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Б.Ф.ПОРШНЕВА**

Видный историк советского времени Б.Ф.Поршнева (1905—1972) в одной из статей затронул проблемы внешней политики России в конце XVII — начале XVIII вв.

В центре внимания Б.Ф.Поршнева — политическая обстановка в Восточной Европе, противостояние России со странами так называемого «восточного барьера» (Швейцарией, Речью Посполитой, Османской империей) [1. С. 16]. Важнейшую роль в борьбе с этими странами ученый отводит внешней политике Петра I как начальному этапу внедрения России в европейскую политическую и экономическую систему. Б.Ф.Поршнева считал, что война за испанское наследство и отсутствие ключевого союзника в борьбе против Османской империи (Австрии) заставили Петра переключить центр русской внешней политики с берегов Черного моря в Прибалтику, использовав государства этого региона в интересах своей страны [1. С. 23]. Причины успехов петровской дипломатии Б.Ф.Поршнева усматривал в царствовании Алексея Михайловича, когда с окончанием Тридцатилетней войны создались благоприятные политические условия для победы России над давним врагом — Польшей. Ввиду политической изоляции Речи Посполитой, выступавшей во время Тридцатилетней войны на стороне Империи, русский царь смог отобрать у поляков ряд восточных территорий. Рассматривая Швецию, Польшу и Османскую империю в совокупности как военно-политический блок, заслонявший Москву от Западной Европы, Б.Ф.Поршнева полагает, что победа русских над самым слабым членом этого военно-политического блока — Речью Посполитой — сломала этот барьер, предвосхитив успехи русской политики в конце XVII — начале XVIII веков.

Историк наделяет Петра пониманием необходимости для России сношений с Западной Европой [1. С. 20]. Такая необходимость, считает историк, диктовалась экономическими соображениями:

она была вызвана ростом мануфактурного производства в России. Ученый видит в этом причину стремления русской политики вывести страну на европейские рынки [1. С. 17].

В представлении Б.Ф.Поршнева, внешняя политика России в конце XVII века была призвана исправить историческую несправедливость [1. С. 18]. Не совсем понятно, что имел в виду ученый под этим определением — действительную общенациональную необходимость возвращения исконных русских земель или же политическую пропаганду правящих кругов, построенную на этой идее, стремившихся с завоеванием прибалтийских территорий обогатиться за счет торговли с Западной Европой. Ведь когда-то западные территории, населенные восточными славянами, и прибалтийский регион находились в сфере политического и культурного влияния Руси.

Б.Ф.Поршнева старается выявить причины победы России над своими западными соседями. В оценке историка так называемые «страны восточного барьера», застрявшие между феодализмом и мануфактурным капитализмом, оказывали пагубное экономическое воздействие на Россию, препятствовали ее нормальному развитию, общаясь с экономически развитой Западной Европой [1. С. 17].

Многонациональный характер Речи Посполитой и культурные связи ее славянских народов с Россией служили якобы еще одним фактором результативности политики Русского государства на западных границах. В слабости Польши, с точки зрения Б.Ф.Поршнева, проявляется обреченность общего внешнеполитического курса стран «восточного барьера», заключавшегося, по определению ученого, в борьбе с Москвой [1. С. 7, 18].

Как ему думалось, глубокие политические противоречия между западными соседями приводили к частым войнам, что мешало им выступать единым фронтом против России. Так, Швеция и Турция, воспользовавшись русско-польской войной 1654—1667 гг., отвоевали у Польши часть земель. Б.Ф.Поршнева полагал, что эти государства таким образом стремились «соединиться границами» и лишить Россию возможности взаимодействия со странами Западной Европы [1. С. 16]. Историк не аргументирует такую точку зрения. Возможно, он приписывал шведской и османской внешней политике стремление разделить слабую Речь Посполитую либо имел в виду заинтересованность Швеции и Турции в недопущении

русско-австрийского союза. Еще одно преимущество России ученый видел в религиозных противоречиях среди противников Москвы [1. С. 18].

Не обходит Б.Ф.Поршнева и интересы западноевропейских держав в Балтийском вопросе. По мнению ученого, Англия и Франция стремились ликвидировать прорыв русскими при Петре «восточного барьера». Англо-голландским политикам и торговцам было невыгодно присутствие России на морях.

Политику Франции в рассматриваемый период Б.Ф.Поршнева не считал дальновидной. По мнению историка, Людовик XIV слишком поздно заметил в России потенциального союзника против империи [1. С. 23—24]. (Но Россия в конце XVII века не имела политических интересов в Центральной Европе, зато угроза османской агрессии сближала Москву с Габсбургами). По убеждению Б.Ф.Поршнева, Франция стремилась повернуть восточноевропейские страны (Швецию, Польшу и Османскую империю) против Австрии. России же в конце XVII века не было места во французской внешней политике [1. С. 19], так как в Версале не учитывали, что члены «восточного барьера» будут использовать его мощь в своих интересах, против Московского государства, и это на долгие годы сделает невозможными нормальные русско-французские взаимоотношения.

Мнение ученого о причинах экономического характера в стремлении Русского государства наладить связи с Западной Европой представляется ошибочным. Во-первых, Россия в конце XVII века только начала реализовывать свой внешнеэкономический потенциал, а значит, страна еще не испытывала необходимости в европейских рынках. Во-вторых, купеческое сословие пока не могло влиять на политику государства. Ошибочным кажется и мнение Б.Ф.Поршнева, что такие соседи России, как Швеция, Польша и Османская империя, не уступали ей экономически и не давали Московскому государству развиваться.

Таким образом, Россия в глазах Б.Ф.Поршнева играла в системе европейских государств роль агрессора, которого западноевропейские государства старались сдерживать с помощью созданного французской дипломатией военно-политического блока стран «восточного барьера», куда входили Швеция, Польша, Османская империя. Но вражда между ними и внутренняя слабость связывающего

этот военный блок центрального звена — Речи Посполитой — позволяли дипломатии Петра I ликвидировать изолированное положение России.

Отмечая противоречия между Швецией, Польшей и Османской империей (религиозно-культурные, политические и экономические), историк тем не менее полагал, что эти государства объединяла борьба с Россией [1. С. 18]. Антирусские внешнеполитические задачи стран «восточного барьера» в конце XVII века могут относиться разве что только к Швеции и Польше. Первая из них стремилась к овладению всем Балтийским бассейном, что противоречило интересам Москвы; вторая, не отказываясь от реванша, мечтала вернуть себе утраченные восточные территории, восстановить свой политический престиж. Надеясь Швецию, Польшу и Османскую империю общим антирусским внешнеполитическим курсом, Б.Ф.Поршнев не принимал в расчет глубокие противоречия между ними. Эти противоречия исключали возможность сближения этих стран и существования военного блока (восточный барьер), в которое верил Б.Ф.Поршнев.

Литература

1. Поршнев Б.Ф. К вопросу о месте России в системе европейских государств в XV—XVIII веках // Уч. зап. Академии общественных наук. М., 1948. Вып. 2.

О СОСТАВЕ СИБИРСКИХ СЛУЖИЛЫХ ТАТАР В КОНЦЕ XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII вв.

Основа служилого татарского войска в Азиатской России с конца XVI в. складывалась из представителей военно-служилой элиты Сибирского ханства — владельцев самостоятельных уделов [8. С. 46]. (Происхождение татарского служилого сословия в Сибири от прежних феодалов — «тарханов» — явствует из целого ряда примеров) [4. С. 30]. В состав татарской знати Сибирского ханства входили хан, султаны, беки, мурзы, есаулы, представители мусульманского духовенства, сановники ханского двора [8. С. 36].

В исследованиях С.В.Бахрушина среди тобольских служилых татар упоминается сын владельца Баишева городка князя Бегиша — Кельмамет князь Бегишева [1. С. 164]. Таким же владельческим беком был, очевидно, князь Енбулат, служивший в Тобольске в 90 годах XVI в. Его сын князь Кутук князь Енбулатов при царе Михаиле считался «лучшим человеком»; в первой половине столетия упоминается внук Енбулата Аллагур-мурза, который был отставлен от службы вследствие происков другого татарина — Ешки Кутабердеева. Тобольские окладные книги называют еще потомков князя Ишмамета Аганина [1. С. 164], а также мурзу Кайдаула Байсеитова и его сыновей Мамет, Читей и Аиткула Кайдауловы, тарского князца Тынмамета Берделей-мурзина, его сына Кучука Тынмаметова и внука Талайку Кучукова. В результате разгрома Черного городка аялыньские татары были возвращены на р.Тару под контроль русской администрации. Самыми видными из них были два есаула — Мамык и Сейткула, и два князца — Зуюндук и Илгулуй [2. С. 7].

Среди татарских мурз начала XVII в. известны тюменский служилый татарин «князь Аткачарко Ахманаев», а также тюменские «юртовские служивые татарове лучшие люди» Девей Иртышов, Буйдак Емачтаев, Тугока Келементеев, Моюмас Азехматов, Казад Енгильдеев, Устемир Канчюрин и др.» [9]. В 1596 году в царской грамоте пелымскому воеводе упоминается татарский мурза Курманак

Танаев [7. С. 77]. Самый известный юртовский голова тюменских татар из среды их самих — Маитмас (Маатмас, Матамас, Моюмас) Ачекматов (Азехматов, Азихматов). Сражавшийся, если верить Ремезовской летописи, еще с «ермаковыми казаками», он в 1596 г. посылался за бежавшими из Тюмени татарами [6. С. 93—96].

В состав юртовских служилых татар вошли и простые мурзы. Одним из наиболее уважаемых мурз Кучума С.У.Ремезов называет «Чайдаула (вернее, Кайдаула) мурзу Закайдаму», который при дележе доспехов Ермака получил, по преданию, его второй панцирь. Байсеитов после падения Сибирского царства служил московскому государю в Тобольске, получал значительное денежное и хлебное жалованье, продолжал жить в 20 и 30-х годах в своей Багайской деревне. После смерти Кайдаула несли службу его сыновья — бек Мамет (иначе князь или мурза Магомет), Читей и Аиткул Кайдауловы. В источниках говорится о князьях Ишбердее и Суклеме, которые привозили подарки и продовольствие для ермаковой дружины. В последующее время Ишбердей был преданным слугой России и «многих других князцов с их родами помог обложить ясаком, служа проводником казакам, которых отправляли к ним с этой целью» [3. С. 230].

Число служилых татар пополняли и представители духовной знати бывшего татарского «царства», вроде тарского юртовского татарина сеида Тенелея Берелеева сын ходжи Миралия сеид Дин-Али [3. С. 192].

Звание служилого татарина было наследственным, как легко усмотреть из окладных книг. В 1622 г. последовал указ «на... татарские выбылые места... верстать в нашу службу детей их и братью и племянников новишным окладом». В 1629 г. тарские служилые татары добились даже того, что их сыновья и другие родственники были поверстаны сверх штата. Но, как общее правило, было установлено твердое число штатных окладов, и молодежь версталась по мере освобождения мест [1. С. 165].

В течение всего XVII в. состав местного татарского служилого сословия пополнялся отчасти и со стороны, благодаря непрерывающемуся наплыву в Сибирь знатных иноземцев. В тюменской окладной книге 1626—1627 гг. среди служилых татар упоминается один табынец, один «сарт» (узбек) и два бухарца [8. С. 150].

С середины XVII в. среди тюменских, а затем тобольских служилых татар появляется касимовский мурза Семеней Аганин [8. С. 150].

Нехватка в Сибири служилых людей заставляла правительство искать помощи у местного населения. Власти сибирских городов, испытывая постоянную нужду в людях, не прочь были поверстать в состав служилых подгородних татар, тоже заинтересованных в этом, так как военная служба освобождала их от уплаты ясака. Уже в конце XVI в. на царскую службу привлекались представители местного сибирского населения. Тех из них, кто приняли крещение, специальный указ предписывал верстать в службу [4. С. 27].

Татары «новокрещены» служили в русских либо «литовских» подразделениях и выделялись в отдельный «список». По этому «списку» в 1633 г. числилось 25 тобольских новокрещеных татар и новокрещеных казаков [8. С. 51].

Сохранились сведения о многочисленных челобитных инородцев с просьбами «о поверстании» их на службу. Типична челобитная 1628 г. сына тюменского служилого татарина «о поверстании на упалое место» его убитого отца [8. С. 51]. На службу верстались и ясачные татары. Так, в 1649 г. была удовлетворена челобитная ясачного татарина Чулымской волости Томского уезда Богдана Артыбаева [5. С. 110].

Особой категорией среди сибирских татар являлись захребетные татары. Они составляли единую этническую общность со служилыми татарами того уезда, к которому относились [1. С. 170]. По предположению С.В.Бахрушина, в состав захребетников вошла значительная масса чужеродцев, поселившихся в деревнях служилых татар [1. С. 170].

В служебном отношении юртовские татары образовывали в каждом городе особый корпус. Юртовские татары при этом состояли под началом русского чиновника — татарского головы, в распоряжении которого находились толмач, подъячий, деньщик татарский (выделяемые на определенный срок из числа рядовых служилых) и приставы, имелись свои канцелярии — «приказы» с «войсковой казной».

Иногда на должность татарских голов назначали представителей аборигенного населения, и уже в 1600 г. Майтмас Ачекматов числился одним из «лучших людей», а в 1606 г. он был «головою» тюменских татар и пожалован высшим окладом [1. С. 164]. В 1594 г.

упоминаются татарские головы Байзеит и Байбахта, которые возглавили отряд тобольских служилых татар в 100 человек, взятых в поход на Тару под общим предводительством воеводы князя А.В.Елецкого [8. С. 116]. «Жалованные» татарские старшины передавали свою должность по наследству.

Итак, начиная с конца XVI в., на русскую службу стали привлекать представителей коренного сибирского населения. Татарские отряды принимали участие уже в военных действиях против Кучума как составная часть служилых. В состав служилого сибирско-татарского сословия вошли представители татарской знати Сибирского ханства, генетически восходившие к золотоордынским татарам. Они продолжали составлять основу этого служилого сословия и на протяжении всего XVII века.

Литература

1. Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2.
2. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство в 1584—1598 гг. // Исторический ежегодник. Омск, 2008. Вып. 1. Отечественная история.
3. Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М., 2000. Т. 2.
4. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск, 1988.
5. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.) / Сост. Н.Н.Оглоблин. М., 1900. Ч. 3.
6. Солодкин Я.Г. Из комментариев к двум челобитным сибирских служилых людей конца XVI — середины XVII вв. (о первых головах юртовских татар Тюмени) // Документ в оперативной и ретроспективной среде. Тюмень, 2012. Вып. 2.
7. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX вв. Томск, 1981.
8. Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII—XIX вв.). Казань, 2010.
9. Тычинских З.А. Татарское казачество в Сибири // Казачество Сибири: от Ермака до наших дней (история, язык, культура): Материалы международной научно-практической конференции. Тюмень, 2009.

**ПОСОЛЬСКИЙ НАКАЗ А.И.ЛОДЫЖЕНСКОМУ
И П.С.ДАНИЛОВУ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
РУССКО-КРЫМСКИХ ОТНОШЕНИЙ НАЧАЛА XVII в.**

14 марта 1613 г. юный Михаил Федорович Романов из старомосковского боярского рода согласился принять престол, на который был избран Земским собором тремя неделями прежде. Новому царю предстояло решить очень трудную задачу — вернуть Московскому государству тот внутренний порядок и устойчивый международный статус, которыми оно пользовалось до начала Смуты. Положение государства было в высшей степени сложным: казна пустовала, во многих уездах продолжали действовать отряды «лихих людей», на западе и северо-западе страны действовали поляки и шведы [7. С. 8]. Правительству Михаила Федоровича требовалось освободить страну от «воровских» черкас. Это был вопрос, по мнению видного историка Д.И.Багалея, большой важности, ибо от него зависело «преобладание» Москвы над Польшей либо наоборот. Как считал ученый, «польские пограничные отношения» теперь выступили на первый план, отстранив даже отношения с Крымом [1. С. 136].

Сразу после вступления на престол Михаила Федоровича в Крым для оповещения об этом событии хана Джанибек-Гирея был отправлен гонец В.Пургасов, вместе с которым выехал подьячий Д.Радцов. Их миссия была первой из числа посланных с целью официально известить об избрании нового московского государя [5. С. 272]. Пургасов скорее всего выехал в Крым в марте 1613 г. Хан вскоре отпустил этого гонца в Москву, а вместе с ним отправил с поздравлениями своего гонца Аллаш-богатыря. Кроме того, Джанибек-Гирей пообещал отправить калгу с войсками на польские земли. После прибытия Аллаш-богатыря в Москву (вероятно, в июне 1613 г.) хан прислал еще одного гонца — Мустафу-мурзу, который был отпущен обратно в Крым относительно быстро — с посольством А.Ладыженского в октябре 1613 г.; Аллаш-богатырь оставался в Москве еще около года, до июля 1614 года.

Через восемь месяцев после воцарения — 24 октября 1613 г. — Михаил Федорович отправил в Бахчисарай посольство А.И.Лодыженского и «старого» (т.е. старшего) подьячего Посольского приказа П.С.Данилова [7. С. 8].

Посланникам вручили наказ, содержащий инструкции Лодыженскому и две грамоты относительно размена послов в Ливнах. Сохранился статейный список посланника Лодыженского, поданный им в Посольский приказ 22 августа 1614 года по возвращении из Крыма [7. С. 8]. Оригиналы этих документов хранятся в настоящее время в РГАДА.

Наказ ярко отражает типичные черты современности: и «неправды польского Жигимонта — короля», и финансовое истощение России [7. С. 9].

Лодыженский отправился в Крым с важным дипломатическим поручением — склонить хана Джанибек-Гирея к нападению на Речь Посполитую с юга в то время, как русские будут сражаться с «литвой» на западе. По мнению А.Сергеева, этот проект наступательного союза России с Крымом носил, в сущности, характер военно-коммерческой сделки. Московское правительство обещало татарам «рухлядь» и денежное вознаграждение только при условии разгрома ими поляков, т.е. если ханские войска «короля и сына его и его гетманов столкнуть и разгонять и из государевы земли выбьют». В противном же случае, хотя крымцы и «придут на короля, и бой будет, а не выбьют его ... вон», Джанибек-Гирей лишался выговоренной платы. Так формулировало свое предложение московское правительство. На дипломатическом же языке наказа эта финансовая сделка деликатно обозначена как «изъявление братской любви и дружбы его царского Джанибек-Гиреева величества» с Московским государством [7. С. 10]. Предполагалось, что в Крыму будут заявлены претензии на Казань и Астрахань [5. С. 83; 4. С. 173].

В наказе есть указания на междоусобицы в самой Польше. Составители наказа дипломатично размышляют вслух, что хорошо было бы, если б войска хана были теперь в Польско-Литовской земле: «они б, ссылались з государя нашего людьми, Литовскую землю до конца повоевали бы». Следом в наказе прямо предлагается хану союз, чтобы общими силами «польскому королю его неправды и недружбы довести» [7. С. 11].

В поисках этого союза правительство нового царя старалось убедить хана, что Россия не потеряла за годы Смуты своей прежней мощи. Но оно опасалось, что Джанибек-Гирей может легко поддаться «заискиваниям» атамана И.Заруцкого, с которым никак не могли справиться московские воеводы. Поэтому Лодыженскому поручено было отговорить всякими способами хана от сношений с Заруцким и Мариной Мнишек [7. С. 13].

По убеждению составителей наказа, хану было даже «непригоже» принимать домогательства Заруцкого всерьез. Перед властителем Крыма стояла более благодарная задача — двинуться в поход на польско-литовские земли и помочь тем самым русским городам.

Предполагая, что Сигизмунд III добивался у Джанибек-Гирея союза против Москвы, авторы наказа поручали Лодыженскому убедить хана не верить королю, ибо «от него правды никому не будет: только манить».

Эта неприязнь к польскому королю проходит красной нитью через весь наказ первым дипломатам Михаила Федоровича в Крым. Союз с ханом ради ослабления Сигизмунда — лейтмотив всех предстоящих переговоров Лодыженского. В случае же безуспешности попытки привлечь хана одними убеждениями посланник должен был подействовать на него более вескими аргументами, т.е. предложить ему денежное вознаграждение. А.Лодыженский имел полномочия посулить хану за поход сначала 20 000 рублей и по мере торга поднять вознаграждение до 40 000 рублей и более, но только он должен был «сулит не вдруг, а прибавлять по тысяче».

Что касается обычных поминок, всегда посылавшихся из Москвы в Крым, то хан получил заверение, что они будут отправляться по-прежнему каждый год. Для окончательного же утверждения союза должны были съехаться в Ливнах русские и крымские «большие послы», которым предстояло выработать подробные условия союза и определить размер поминков, крымские послы обязывались там же «шертовать на куране» за хана в точном выполнении условия союза [7. С. 14].

Посланникам поручалось «крепко и бесстрашно» указать хану на то, что он не держит своего царского слова (которое «иначе не бывает»), данного им недавно с гонцом Михаилу Федоровичу, — быть с последним «в братской дружбе и в любви навеки». Русским

дипломатам надлежало всячески избегать острых столкновений с ханом и при бескорыстном содействии «ближних людей» добиться во что бы то не стало расположения к Москве этого, по определению А.Сергеева, международного разбойника, торговавшего своей саблей [7. С. 15].

В последней части наказа высказывается требование покарать двух крымских мурз за их набег на Курск, говорится о выкупе пленных.

В случае смерти Джанибек-Гирея и признания нового хана всеми своими подданными Лодыженский и Данилов должны были, не дожидаясь новых инструкций из Москвы, пойти к нему с поминками и с поклоном, следуя тому же наказу, с которым они поехали к Джанибек-Гирею [7. С. 16].

При размене посланников, происходившем в июле 1614 г. в Ливнах, завязался ожесточенный торг о размерах поминков [2. С. 17]. Если не станет государь присылать каждый год 10 000 рублей кроме рухляди, то мне доброго дела совершить нельзя, — заявлял крымский посол, угрожая при этом походом всеми своими силами на русские земли. Князь Г.К.Волконский тогда передал хану 4 000 рублей, а Н.Н.Сулешев принес за хана шерть, но при условии присылки следующей весной новых больших поминок.

Джанибек-Гирей требовал все новых и новых поминок как вознаграждение за предпринимаемый поход в Польшу. Из Москвы ему присылали деньги, мягкую рухлядь, кречетов, однажды хан даже обратился к Михаилу Федоровичу с просьбой прислать ему каких-то «великих самсунских собак». Русских посланцев Джанибек-Гирей нередко сажал в тюрьму, а поминки брал с них чуть не правожом. На ежегодные напоминания о походе хан отвечал обещаниями и требованиями новых поминок, и вся дипломатическая переписка Москвы в первые годы царствования Михаила вращается вокруг предполагаемого крымского похода на польского короля [7. С. 18—19], констатировал А.Сергеев.

Позднее дипломатические контакты между Московским государством и Крымским ханством осуществлялись путем обмена гонцами. Так, размен был осуществлен в июле — августе 1614 г. 30 октября князь Г.К.Волконский отправил в Москву весть о том, что Джанибек-Гирей принес шерть Михаилу Федоровичу [3. С. 9].

Для заключения формального договора о мире и дружбе были отправлены из Москвы окольныхичий кн. Г.К.Волконский и дьяк П.Евдокимов в качестве послов. «Размена» послов произошла под Ливнами на р.Быстрой Сосне. Крымский представитель Ахмед Сулешев отчаянно торговался из-за размена поминок, угрожал войной.

Князь Г.Ромодановский нашел средство успокоить крымского посла, и Ахмед паша принес шertz за царя, царевичей и за весь Крым, чтобы быть с московским царем в вечной дружбе и мире, войной на «Русь» не приходиться и помогать ей против польского короля [5. С. 84].

Таким же мирным характером отличались дипломатические отношения Москвы с Крымом и в последующие годы. Основной темой переговоров и споров были все те же поминки, но эти расхождения и споры, в отличие от дипломатических отношений с другими правительствами, были обычным и, можно сказать, нормальным явлением в московско-крымских дипломатических отношениях, не портили их сами и не нарушали мира.

В конце августа 1615 г. в Крым был отправлен Семен Андреев, затем (в начале 1616 г.) толмач Куремш Черетаев, Федор Челюсткий (декабрь 1615 г.), Амвросий Лодыженский, заменивший Челюсткий в апреле 1617 г. В грамоте, посланной в Бахчисарай в апреле 1617 г. с Иваном Енбулатовым, хана призывали совершить нападения на владения Сигизмунда III. Присылали к Лодыженскому с грамотами и других курьеров: Тулубая Бавкеева (август 1617 и май 1618 г.) и Кирилла Байберина (ноябрь 1617 г.). Крымский хан был заинтересован в совместных с Россией действиях против Речи Посполитой, поэтому также отправлял в Москву дипломатические миссии: Мустафы-мурзы и Магмеда-паши-мурзы (12 сентября 1614 г.), Ибрагим-паши-мурзы (декабрь 1614 г.) (вероятно, последний сообщил царю о ханском шертовании); Исмаила-агу (июнь 1615 г.), посла Булат-Улана и гонца Уссейна (август 1615 г.). Перечисленные крымские дипломаты добивались в Москве возобновления выплаты традиционных поминок хану и его приближенным. В октябре 1615 г. Посольский приказ принимал нового гонца Ислам-агу, прибывшего от Джанибек-Гирея с предложением вести совместную борьбу против Речи Посполитой. Прерванные в Смутное время дипломатические отношения между Московским государством и Крымским ханством возвращались в свое прежнее русло.

В феврале 1616 г. в Москве принимали крымского гонца Аллаш-богатыря, прибывшего с сообщением о предыдущих набегах татар на польские земли. Затем в Россию были присланы Аллабердей (середина 1616 г.) и Магмет-ага (июль 1616 г.). Последний предложил от имени Джанибек-Гирея начать совместные военные действия против ногайского бия Иштерека. Предложение было принято, но сам Магмет-ага был задержан в России до весны 1617 г. В марте 1617 г. в Посольском приказе принимали крымского гонца Апсемет-Халифу, в конце 1617 г. — посла Шебан-агу и Рамазан-Мустафу, которые передали просьбу крымского хана продолжить борьбу против Речи Посполитой [4. С. 273—275].

Нападения крымцев на русские земли с 1612 г. практически прекратились (если не считать отдельных мелких набегов, как, например, появления татар в 1613 г. под Курском). В то же время крымцы совершали походы на земли, подвластные Речи Посполитой: состоялся набег на Теребовль (конец августа — начало сентября 1614 г.), была разграблена Правобережная Украина (весна 1615 г.), опустошены Галиция, Подолия и Львовщина (август, сентябрь 1615 г.). В 1616 г. крымский натиск на польские земли несколько ослаб: в феврале — марте произошел лишь один мелкий набег татар на Червонную Русь. После этого в нападениях крымцев на Речь Посполитую наступил перерыв почти в полтора года [5. С. 87]. Это было связано не с осложнениями в русско-крымских отношениях либо с успехами польской дипломатии в Крыму, а с тем, что в 1616 г. Османская империя вступила в войну с Персией, и султан приказал своему вассалу Джанибек-Гирею отправиться с войсками в Закавказье. В связи с участием Крымского ханства в войне между Османской империей и Персией татарские набеги на Речь Посполитую временно прекратились. Но уже с середины 1617 г. крымские татары возобновили нападения на владения Сигизмунда III: на тот год пришлось три набега на волынские земли, которые начались с мелкого нашествия «крымчаков» в июне, затем последовали два крупных набега в августе и сентябре; побывали татарские отряды под Каневом и Белой Церковью [5. С. 87]. Эти действия татар совпали во времени с началом похода королевича Владислава на Москву.

Кульминация в обострении отношений Московского государства, Крымского ханства и Речи Посполитой наступила в 1618 г.

Тогда войска королевича Владислава достигли стен Москвы и едва не овладели российской столицей. Когда поляки медленно приближались к Москве, российская дипломатия вновь обратилась за помощью к крымскому хану. В июне 1618 г. в Крым отбыло посольство Степана Хрущова и Семена Бредихина. Они должны были сменить в Бахчисарае Амвросия Лодыженского и доставить хану Джанибек-Гирею поминки (их размеры оцениваются «Новым летописцем» в 10 тыс. рублей). Но эта миссия не достигла места назначения: русские дипломаты с «казной» были схвачены запорожскими казаками [6. С. 398].

Тогда же в Россию прибыли один за другим два новых крымских дипломата. В июле 1618 г. в Посольском приказе велись переговоры с крымским гонцом Ибрагим-мурзой. Месяц спустя, в августе 1618 г., в Тулу приехал ханский посол Мустафа-мурза, принять которого смогли только в январе 1619 г., после того, как между Московским государством и Речью Посполитой уже было подписано Деулинское перемирие [4. С. 277]. Поскольку запорожцы временно установили контроль над землями южнее Московского государства, отправить новое посольство ко двору Джанибек-Гирея не представлялось возможным.

Хан, несмотря на перерыв в дипломатических контактах с Москвой и отсутствие поминок, продолжал войну против Польши. В 1618 г. произошел самый мощный набег крымцев на земли Речи Посполитой. В течение полугода татары совершили 4 больших нападения на Червонную Русь, разорив галицкие, львовские, перемышльские и теребовльские места. Набеги последовали в мае — июле и в конце сентября — начале октября.

Учитывая эти факты, вряд ли можно согласиться с точкой зрения А.А.Новосельского, который, исходя из априорных представлений о враждебности Крыма по отношению к Москве и даже наличия «польско-татарской коалиции», утверждал, что «для Московского государства было большой удачей, что в 1618 г. оно встретилось в последнем, решающем столкновении лишь с одними польскими силами... русское правительство не создавало новой ситуации, а лишь воспользовалось изменением отношений между Турцией и Польшей» [5. С. 45, 79, 87—88]. Факты свидетельствуют о том, что крымцы выступали скорее союзниками России, и их действия имели ярко выраженную антипольскую направленность.

Татары практически не нападали на русские земли, но очень часто разоряли польские владения, что безусловно, было выгодно Российскому государству. Помощь Крыма не являлась безвозмездной: поддержка хана недешево обходилась московской казне. В конце 1613 г. русское правительство готово было заплатить за крымский набег на польские земли от 20 до 40 тыс. руб. По данным А.А.Новосельского, только за 1614—1618 гг. из Москвы в Бахчисарай в качестве поминок было отправлено около 40 тыс. руб. [5. С. 437]. Кроме того, поддерживая в последние годы Смуты Россию, хан преследовал и собственные политические интересы: его не устраивало чрезмерное усиление Речи Посполитой, но, появляясь в пределах Московского государства в качестве союзников, крымские татары одновременно нередко подвергали грабежам и русские земли.

Литература

1. Багaley Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887.
2. Бантыш-Каменский Н.Н. Реестр делам крымского двора с 1474 по 1779 гг. Симферополь, 1893.
3. Лашков Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. Симферополь, 1891.
4. Лисейцев Д.В. Русско-крымские дипломатические контакты в начале XVII столетия // Тюркологический сборник: Тюркские народы России и Великой степи. М., 2006.
5. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948.
6. Новый летописец // Хроники Смутного времени. М., 1998.
7. Посольство Амвросия Лодыженского и подьячего Петра Данилова в Крым в 1613 г. (К 30-летию юбилею царствующего Дома Романовых) / Сообщил А.Сергеев // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1913. № 50.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ТЕОРИИ И МЕТОДИКЕ ОБУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЮ

Л.В.Алексеева

*Нижевартовский государственный
гуманитарный университет*

МОНИТОРИНГ УЧЕБНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ ШКОЛЬНИКОВ ПО ИСТОРИИ В СТАРШЕЙ ШКОЛЕ (БАЗОВЫЙ УРОВЕНЬ): ЭТАПЫ РАЗРАБОТКИ

В результате изучения курса по выбору «Мониторинг учебных достижений школьников по истории» студентами магистратуры должна была быть проделана работа по проектированию мониторинга. Данный вид деятельности имеет не только научно-методическое значение, но и практическое, поскольку позволяет учителю истории познакомиться с ключевыми концептами для разработки мониторинга применительно к базовому уровню усвоения образовательной программы старшеклассниками по истории.

Приступая к разработке технологии, важно понимать, какой вид мониторинга будет осуществляться, каковы его цели. Применительно к учебной дисциплине истории, считаем, что наиболее целесообразны следующие виды мониторинга:

1. Мониторинг по составу исторических знаний (фактографический и теоретический материал).
2. Мониторинг формирования предметных компетенций.
3. Мониторинг ценностных ориентаций.
4. Мониторинг историографических и методологических знаний учащихся по истории.

В практике обучения используются различные способы контроля и диагностики знаний учащихся по истории, но не все они научно обоснованы и отражают специфику исторического знания. Эволюция представлений о мониторинге за последние 10 лет очевидна, однако зачастую, в школьной практике, используются весьма упрощенные схемы и подходы, не отражающие объективной картины с положением усвоения исторических знаний школьниками.

Учитывая сложность проектирования мониторинга, студенты должны были разработать первый вид мониторинга — мониторинг по составу исторических знаний (фактографический и теоретический материал), рассчитанный на учащихся 10 класса, изучающих историю на базовом уровне.

Этапы разработки технологии:

1. Изучение понятия «мониторинг учебных достижений», его отражение в современной педагогической и методической литературе по истории.

2. Выявление и анализ опыта по осуществлению мониторинга учебных достижений.

3. Изучение Федерального компонента государственного стандарта общего образования; выделение тем, подлежащих изучению, контролю и оценке; анализ требований к уровню подготовки выпускников.

4. Составление тематического плана по курсу «История России с древности до н. XX в.» для 10 кл. (44 ч).

5. Разработка контрольно-измерительных материалов для проверки фактографических и теоретических знаний учащихся.

6. Разработка диагностических таблиц.

7. Экспертиза средств мониторинга.

Приложения

Таблица 1

Объекты мониторинга фактографических и теоретических знаний учащихся по истории

Тема 1. Начало Руси

Понятия	Параметры	События	Явления	Процессы
Государство	Хронология: VI—X вв.	Крещение Руси:	Верования	Возникновение
Язычество	Картография:	Причины	Родовая община	государства
Племенные союзы	расселение славянских племен,	Ход	Соседская община	
Князь	соседи славян,	Результат	Христианизация	
Дружина	Византия, Киев,	Персоналии:		
Норманны	Новгород,	Рюрик, Олег, Игорь, Ольга,		

Крещение Полюдь «Урок» Погосты	Днепр, Черное море, Констан- тинополь	Святослав, Владимир		
---	---	------------------------	--	--

Тест № 1

(для проверки фактографических и теоретических знаний учащихся)

Таблица 2

Объекты мониторинга фактографических и теоретических знаний учащихся по истории

Тема 2. Русь в XI — начале XII в.

Понятия	Параметры	События	Явления	Процессы
	Причины Ход Результат Хронология Картография			

Тест № 2

(для проверки фактографических и теоретических знаний учащихся)

Итоговый тест

(для проверки фактографических и теоретических знаний учащихся по разделу 1 «Русь Древняя и средневековая»)

Таблица 3

Учебные достижения учащихся по разделу 1 «Русь Древняя и средневековая» (11 ч)

Ф.И. ученика	Те- ма 1	Те- ма 2	Те- ма 3	Те- ма 4	Те- ма 5	Те- ма 6	Те- ма 7	Те- ма 8	Те- ма 9	Ито- говый тест
Иванов А.										
Петров А.										
Шахов А.										

Итоговый тест

(по курсу «История России с древности до начала XX в.» для 10 кл.)

Таблица 4

Качество изучения фактографических и теоретических знаний учащихся (44 ч).

Ф.И. ученика	Раздел 1	Раздел 2	Раздел 3	Раздел 4	Итоговый тест
Иванов А.					
Петров А.					
Шахов А.					

Мониторинг историографических и методологических знаний учащихся по истории

Наиболее слабой стороной школьного исторического образования представляется освоение учащимися старших классов историографического материала.

1. Исторические концепции и теории.
2. Историки и их труды (наиболее значимые).
3. Дискуссионные вопросы отечественной истории.
4. Методы работы с трудами историков.
5. Методы работы с источниками. Навыки критики источника.
6. Понятие о видовой классификации источников.
7. Сопоставление версий и оценок исторических событий.
8. Группировка мнений.
9. Собственная позиция ученика.

Надеемся, что представленная технология поможет учителям в разработке и реализации мониторинга знаний учащихся по дисциплине «История» в современной школе.

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ

Под самостоятельной работой студентов (СРС) в широком смысле следует понимать особый мыслительный процесс, в ходе которого происходит формирование разносторонней творческой личности. СРС — это активные формы индивидуальной и коллективной деятельности, целью которых являются закрепление пройденного материала, формирование умений и навыков быстро решать поставленные задачи. СРС предполагает не пассивное «поглощение» готовой информации, а ее поиск и творческое усвоение и переработку. Самостоятельная работа призвана подготовить студента к самостоятельной деятельности в будущем. Она является неотъемлемой частью изучения и усвоения материала каждой из преподаваемых дисциплин, тесно связана с приобретением навыков познания прошлого, умением анализировать, обобщать, правильно фиксировать получаемую информацию. Содержание самостоятельной работы студентов, как правило, описано в рабочей программе каждой дисциплины и направлено на расширение и углубление практических знаний и умений по данному курсу, на усвоение межпредметных связей.

Результативность СРС определяется активным участием студентов во всех формах учебного процесса. Она способствует индивидуализации процесса обучения, преодолению разрыва между массовыми формами обучения и сугубо индивидуальными особенностями усвоения знаний студентами.

Самостоятельная работа всегда вызывала и вызывает у студентов, особенно первых и вторых курсов, определенные трудности, обусловленные необходимостью адаптации бывших школьников к новым формам обучения. Главная из них связана с необходимостью самостоятельной организации своей работы. Многие студенты не имеют навыков анализа, конспектирования, работы с первоисточниками, не располагают умением четко и ясно излагать свои мысли, планировать личное время, учитывать индивидуальные особенности собственной умственной деятельности и физиологические

возможности, характеризуются практически полным отсутствием психологической готовности к самостоятельной работе, незнанием общих правил ее организации.

Функции СРС:

1. Познавательная. Ее сущность заключается в приобретении новых знаний студентами. В процессе самостоятельной работы студент углубляет и активно закрепляет знания, полученные в ходе учебного процесса.

2. Обучающая. Нацелена на приобретение студентами навыков по изучению литературы и других источников информации. Студент должен уметь самостоятельно получать и обновлять знания, что обусловлено современными образовательными стандартами.

3. Воспитательная. Направлена на превращение знаний в глубокие личные убеждения, на реализацию основных направлений патриотического воспитания, формирования студента как всесторонне развитой личности.

Особенности организации самостоятельной работы студента. В ходе самостоятельной работы студент может:

- освоить теоретический материал по изучаемой дисциплине (отдельные темы, отдельные вопросы тем, отдельные положения, концепции и т.д.);

- закрепить знание теоретического материала с помощью необходимого инструментария практическим путем (источники, выполнение контрольных работ, эссе, тесты для самопроверки и др.);

- использовать полученные знания и практические навыки для анализа ситуации и выработки правильного решения (подготовка к групповой дискуссии, подготовленная работа в рамках деловой игры, письменный анализ конкретной ситуации, разработка проектов и т.д.);

- применить полученные знания и умения для формирования собственной позиции по той или иной научной проблеме, что должно найти отражение в выпускной, дипломной работах, магистерской диссертации, научно-исследовательской работе студента в целом.

Требования к СРС:

1. Задания для самост. работы студента должны быть четко сформулированы, разграничены по темам изучаемой дисциплины, и их объем должен быть определен часами, отведенными в учебной программе.

2. Ритм работы, дозировка времени, как правило, устанавливаются самим студентом. Тем не менее, правильное определение бюджета времени является важной организующей частью СРС. Оно помогает избежать перегрузки студентов в период экзаменационной сессии.

3. СРС будет успешной только в том случае, если за ней осуществляется систематический контроль и руководство со стороны преподавателя. При этом педагог должен учитывать способности студента, индивидуальные особенности его личности для того, чтобы помочь ему правильно организовать самостоятельную учебно-познавательную деятельность.

4. Задания должны отличаться разнообразием, носить, по возможности, творческий характер.

5. При выполнении получаемых заданий, студент должен иметь доступ к необходимой учебной и научной литературе. Задания должны соответствовать уровню подготовки студента.

6. При организации СРС должна всегда присутствовать мотивация. Студент, активно занимающийся самостоятельно, выполняющий аккуратно и в установленные сроки задания преподавателей, должен поощряться оценками и другими возможными видами поощрения, соответствующими затраченным им усилиям. Эти результаты оцениваются и учитываются в ходе итоговой аттестации студента по изучаемой дисциплине. Наиболее приемлемой формой оценки результатов работы студента по большинству дисциплин является балльная. При разработке шкалы оценки результатов самостоятельной работы студента ранжируются задания для самостоятельной работы в зависимости от уровня их сложности.

Важное средство организации самостоятельной работы студентов — современные информационно-коммуникационные технологии. Условием осуществления информационной подготовки в вузе является необходимая материально-техническая база. В первую очередь, это наличие специального помещения для проведения занятий, компьютеров, программного обеспечения, хороших каналов связи, мультимедийной демонстрационной техники, дополнительных устройств для работы с CD и DVD, выход в Интернет и т.д. Большое значение имеет и наличие специальной подготовки преподавателей, способных участвовать в этом непростом деле и не теряющих оптимизма для продолжения этой постоянно обновляющейся работы.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ, ИСТОРИОГРАФИИ

- Е.В.Бондаренко*
НЕФТЯНАЯ СТРАТЕГИЯ МЕКСИКИ И ЕЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
С РОССИЕЙ В НАЧАЛЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ..... 3
- С.С.Бытко*
АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СБОРНИКА
СТАРООБРЯДЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ КОНЦА XIX ВЕКА..... 7
- А.Ю.Верба*
О ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ 12
- О.В.Внукова*
СБОР ЯСАКА СЛУЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
НА РУБЕЖЕ XVI—XVII ВВ. 15
- В.Н.Зубов*
МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ МАКАРИЙ
И НАЧАЛО ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ..... 19
- М.Платонова*
ГУБЕРНСКИЕ ОРГАНЫ И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ
НАЗНАЧЕНИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.
(НА ПРИМЕРЕ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)..... 22
- И.В.Пирогова*
ОСНОВНЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В ВАХОВСКОМ КРАЕ В КОНЦЕ XIX — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВВ. 27
- Н.С.Салимова*
СОВЕТСКОЕ ДЕТСТВО В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ..... 32
- Я.Г.Солодкин*
К ОЦЕНКЕ БЛИЖАЙШИХ ПОСЛЕДСТВИЙ
СИБИРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ЕРМАКА..... 37
- С.В.Супрович*
ОТНОШЕНИЯ РОССИИ С ЗАПАДНЫМИ СОСЕДЯМИ
НА РУБЕЖЕ XVII—XVIII СТОЛЕТИЙ
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Б.Ф.ПОРШНЕВА 44

Э.Р.Шамсиева
О СОСТАВЕ СИБИРСКИХ СЛУЖИЛЫХ ТАТАР
В КОНЦЕ XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВВ..... 48

Е.В.Шевченко
ПОСОЛЬСКИЙ НАКАЗ А.И.ЛОДЫЖЕНСКОМУ
И П.С.ДАНИЛОВУ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
РУССКО-КРЫМСКИХ ОТНОШЕНИЙ НАЧАЛА XVII В..... 52

ИСЛЕДОВАНИЯ ПО ТЕОРИИ И МЕТОДИКЕ
ОБУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЮ

Л.В.Алексеева
МОНИТОРИНГ УЧЕБНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ ШКОЛЬНИКОВ
ПО ИСТОРИИ В СТАРШЕЙ ШКОЛЕ (БАЗОВЫЙ УРОВЕНЬ):
ЭТАПЫ РАЗРАБОТКИ..... 60

О.П.Цысь
ОБ ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ
СТУДЕНТОВ 64

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 08.05.2013
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 4,25
Тираж 300 экз. Заказ 1422

*Отпечатано в Издательстве
Нижевартовского государственного университета
628615, Тюменская область, г.Нижевартовск, ул.Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru*